

Лина Кэрл

ТАЙГА

ДОРОГА ДОМОЙ

Тайга

Лина Кэрл

Тайга. Дорога домой

«Автор»

2026

Кэрл Л.

Тайга. Дорога домой / Л. Кэрл — «Автор», 2026 — (Тайга)

Он — вожак волчьего клана, она — Хранитель тайги. Они встретились, потому что он приказал ее убить. Ради него она отказалась от бессмертия. Марк и Милана жили счастливо, пока вагон метро не унес их в XVII век. Пока они не узнали, что ждут ребенка. Пока не выяснилось, что на их «Малое солнце» объявлена охота. Дорога домой лежит через суровый Урал, бескрайнюю Сибирь, мистический Байкал. Здесь по трактам идут царские обозы, рыскают разбойники, на каторгах звенят кандалы, а древние духи решают: жить тебе или сгинуть. Забудьте о бабочках в животе! Любовь — это когда ты ищешь квашеную капусту посреди ночи, потому что у жены бушуют гормоны. Когда готов прыгнуть в пропасть, лишь бы она не плакала. Когда обязан спасти мир, а она дороже этого мира. Роман «Тайга. Дорога домой» — это пронзительная любовная история, мистическая роуд-стори, действие которой разворачивается на фоне двух эпох — современности и России XVII века.

© Кэрл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10. Марк	32
Глава 11	36
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лина Кэрл

Тайга. Дорога домой

Глава 1

Качели плавно скользили над обрывом, и казалось, что мы плывем по небу. Над нами парили орлы, отбрасывая на скалы тени огромных крыльев. Воздух, прозрачный до звона, пах смолой и хвоей.

Прижавшись друг к другу, мы смотрели на вершины Станового хребта и на бескрайнее море тайги под ногами. Тайги, которая навсегда связала меня с Марком невидимой лентой.

— Ты ведь не боишься высоты? — нарушил тишину его голос.

— Я боюсь только одного — что это всё закончится.

Внезапный порыв ветра резко взметнул качели вверх. Я чуть не упала в пропасть.

— Держись! — крикнул Марк и крепче прижал меня к себе.

Я обняла его, улыбнулась и посмотрела на бордовый диск уходящего солнца. Загадывая желание о счастливом будущем, я старалась не слушать предостережений ветра о грядущих переменах. Пусть наша с Марком жизнь станет такой же спокойной и вольной, как эта тайга.

— Если тебе грустно — съешь шоколадку! — посоветовал жук Василий. — Ничего не поделаешь. Безз терпенья нет ученья. Придется сдавать экзамен, как все обычные люди.

Я сидела со скучающим видом над справочниками по химии и биологии, мечтая отправиться с Марком на прогулку. Кататься верхом на огромном белоснежном волке было гораздо увлекательнее, чем постигать науку, но старшая сестра настояла на моем поступлении в медицинский университет.

После того как я снова стала человеком, мне пришлось ошарашить Катюшу своей историей. Говорят, чем страшнее и нелепее легенда, тем больше вероятность, что в нее поверят. Так и вышло. Даже не понадобилось ничего придумывать — я рассказала всё, как было на самом деле. И если сначала во взгляде старшей сестры мелькало недоверие, то после перевоплощения Марка в волка — прямо у нее на глазах — все сомнения улетучились, как жара после ливня. Катя застыла с открытым ртом, внимательно рассматривая меня с Велозаровым и слушая сбивчивые объяснения. Когда я закончила, она подвела итог:

— Тайга, Хранитель, магия — это, конечно, хорошо. Но нормальный человек, каким ты опять стала, должен получить высшее образование. Ты обязана иметь профессию. Обещание отцу — быть врачом — нужно выполнять.

— Ну Катя... — попыталась я вставить слово.

— Милана, это не обсуждается. А по поводу свадьбы... — она перевела взгляд на Марка, который держал меня за руку и внимательно смотрел на Катюшу. — Давайте поговорим об этом позже... Зачем спешить? Надо подготовиться как следует. Не каждый день выпадает возможность повести к алтарю любимую младшую сестру...

— Хорошо, — кивнул Велозаров. — Три месяца. Этого будет достаточно.

Катя обреченно вздохнула и согласилась: против энергетики вожака волчьей стаи трудно устоять. Я знала, что сестра не в восторге от моего выбора. Все-таки Марк не был человеком. Подобный союз внушал немало опасений: кто знает, чего ожидать от порождения Хаоса? Кате хотелось, чтобы я провела безмятежную счастливую жизнь в окружении детей, внуков. Ох уж эти людские предрассудки! Но делать нечего. Ей и так досталось за прошедшие три года. Сколько слез она пролила, умоляя Всевышние силы о моем возвращении! Что ж, придется совмещать два мира в одной жизни.

Ноздри пощекотал приятный запах кофе. Я вынырнула из воспоминаний в мир химии и биологии и, глядя на жука, перевернула страницу учебника.

— Васька, может, есть какой-нибудь способ вспомнить притягивающие знания заговоры, чтобы не учиться? Не хочу верить, что всё исчезло из моей головы, когда снова стала человеком. Я ведь знала абсолютно всё!

— Ты была той еще штучкой. Правда твоя. Но сама отказалась от дара. Теперь можешь только гонять как сумасшедшая, раздувать огниво, слышать меня и мечтать. Всё, чем владела до тринадцатого апреля, осталось при тебе. Увы, остального ты лишилась.

— Забыл, что еще с деревьями могу разговаривать и с животными.

— Куда ж без болтовни-то? Эти способности останутся с тобой, но об управлении стихиями, телепортации, магии не мечтай.

— Я и сейчас Хранитель Тайги, попрошу мелкого насекомого не забывать об этом! — скорчив надменную гримасу, я задрала голову и нарочито царственной походкой продефилировала вокруг стола. — Может, очаровать профессора и получить нужный балл? — засмеялась я.

— Профессора можно, а вот листок с контрольно-измерительными материалами вряд ли удастся. Его машина проверяет. Так что ззубри давай: ученье — свет, а неученье... сама знаешь.

Я вздохнула, перевернула страницу и углубилась в чтение...

Время топталось на месте. Меня отвлекало всё: кружка с кофе, блестящий фантик на блюде, воробей на карнизе и белка на ветке. Еще и низкие облака не давали сосредоточиться: будто назло ежеминутно меняли очертания и превращались в причудливые замки с драконами. В такой обстановке невозможно грызть гранит химической науки.

— Марк! — крикнула я и подошла к широкому окну.

Любимый стоял на лужайке около ворот нашего стеклянного дома и что-то оживленно говорил телохранителям. Кайл и Роман внимательно слушали его. По озабоченным лицам охранников было видно, что они взволнованы.

Заметив меня в окне, Кайл бросил монтировку, которую вертел в руках, словно погремушку, и по-детски улыбнулся, приветственно махнув широченной ладонью. Марк тут же поднял голову и просиял.

— Солнышко, закончила с учебой? — лицо любимого стало счастливым, будто я и правда излучала яркий свет.

Когда-то Марк Велозаров был эгоистичным, надменным и жестоким вожаком волчьего клана. Сейчас на меня смотрел добрый, родной человек.

— Да, через минуту спущусь. Прогуляемся? — сладко потянулась я.

После того как мы с Марком снова обрели друг друга, не расставались ни на минуту. Он точно верный страж следовал за мной, оберегая от любой опасности и плохого настроения. Жизнь казалась радостной и безмятежной. Каждое желание исполнялось, мечты угадывались. Мы будто две венецианские лодочки плыли по тихой гавани. Я наслаждалась любовью, упивалась и растворялась в ней. Наверное, это неправильно. Жизнь без проблем становится скучной, вялой, безрадостной — так думают рассудительные люди. Я же с большой благодарностью относилась к каждому дню, подаренному Вселенной.

Накинув легкий сарафан, я распустила волосы, взглянула на отражение в зеркале и, довольная своим видом, побежала на улицу. Марк уже обратился в волка и ждал возле крыльца. Едва я подошла, он склонил голову. Убедившись, что я села и крепко держусь за густую шерсть, он выскочил за ворота.

Каждый вечер мы объезжали наши владения — необъятные просторы Тайги. Святая, до мурашек приятная обязанность. Я неслась верхом на верном волке, будто сотканном из снега

и магии. Белоснежная шерсть оборотня искрилась бриллиантовым блеском. Ветер трепал мои длинные белые волосы, раскидывая их по плечам; кожа сияла в лучах ускользящего солнца.

Мы с Марком были совершенным целым, сплетенными воедино добром и злом, Землей и Хаосом, огнем и вековыми льдинами. Хранители древнего баланса, защитники Тайги.

В моей груди порхала радость — чистая и звонкая. Я ощущала пульс леса, слышала его дыхание. Марк с легкостью перепрыгивал через поваленные сосны, пробивался сквозь непролазные заросли. Я внимательно наблюдала за следами на земле, поведением птиц, силой и направлением ветра. Старалась уловить тревожные сигналы: нет ли опасности, угрозы безмятежности Тайги?

Сегодня, как и в предыдущие два месяца, всё было спокойно. Я облегченно вздохнула и прижалась щекой к теплой волчьей шкуре.

— Всё хорошо.

Волк глухо заурчал, словно подтверждая мои слова.

Солнце почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в багряно-золотые тона. Оборотень остановился на краю хвойной сопки — на лесной опушке, устеленной мягким мхом. Я улыбнулась и прыгнула на землю. Мой дом в безопасности, любимый рядом. Что еще нужно для абсолютного счастья?

Раскинув руки, я потянулась и подошла к обрыву. Вдали маячили снежные горы, внизу — отряды крон вековых деревьев. Пахло свежестью и можжевельником. Не в силах сдержать восторг, я выпрямилась и пронзительно заголосила, ритмично прикрывая рот ладонью:

— А-ooo-у...у-у-у...

— Оoo-у...у-у-у... — отозвалось гулкое эхо.

— Оу! — Марк, обратившийся человеком, обнял меня со спины и поцеловал в затылок. — Не повезло лесным зверушкам: от такого «ангельского» голосочка таежного Хранителя можно безвременно почтить в Бозе, — он громко засмеялся и прижался плотнее.

Я тоже рассмеялась и положила ладони на его руки. Ощувив исходящее от Марка тепло и волну спокойствия, закрыла глаза и откинула голову ему на грудь.

Дыхание Велозарова коснулось моего виска, шеи, скользнуло по ключице и направилось к затылку.

— Как долго я мечтал об этом... — прошептал он и развернул меня к себе.

Всего мгновение — и наши губы соединились в нежном поцелуе. Мой сарафан упал на землю, освободив тело для горячих рук любимого.

— Марк, прямо здесь? — чувственно проворковала я под натиском его губ.

— И прямо сейчас...

— А если нас увидят? — уклонялась я игриво.

— Пусть завидуют!

Мы опустились на лужайку и утонули в покрывале страсти, даря наслаждения друг другу.

Меня разбудил громкий голос. Я сразу узнала его: Власова, бывшая подруга, склонилась надо мной и металлическим скрежетом кричала прямо в ухо:

— Последний раз, последний раз, последний раз!

Глава 2

В ужасе я открыла глаза и вскочила. Ведьма испарилась, но оставила предчувствие чего-то жуткого. Тело лихорадочно колотило. Я потрясла головой, сбрасывая следы сна, потеряла веки и огляделась. Марк лежал на поляне, окутанный дымом; вокруг поднимались в небо столбы пламени. Костры горели необычайно ярко, откидывая на траву янтарные искры. Складывалось впечатление, что еще мгновение — и Велозарова поглотит огонь.

— Марк! — крикнула я, пытаюсь сквозь пелену дыма разглядеть любимого.

Внезапно плотная завеса развеялась, и я увидела в объятиях Марка Азалию. Она извивалась в его руках, пристально глядя мне в глаза. Их движения становились ритмичнее, ускорялись...

— Марк! — заголосила я. — Марк!

— Я здесь. Что случилось? Опять приснился кошмар? — ответил Велозаров и крепче прижал меня к себе.

— Да...

Я окончательно проснулась, продолжая ощущать запах гари.

— Всё хорошо, я рядом. Огня нет, абасов тоже, — предвкушая мои вопросы, успокаивал любимый, — мы вместе на поляне. Я никому тебя не отдам и всегда буду за твоим левым плечом. И правым. И над головой, и даже под ногами. Всё хорошо... — утешал он, впитывая губами слезы на моих щеках.

— Мне снилась Азалия. Вы были прямо здесь!

— Тшш... Это сон, всего лишь сон. Азалии нет, а если бы появилась, я бы тут же прикончил подлую тварь. Любимая, я рядом... — Марк нежно гладил мою голову, прижимаясь к макушке подбородком. — Это волнение перед экзаменами, полетом. Хочешь, останемся? Я куплю тебе диплом любого университета. Хотя... Ты всё равно не будешь работать. На кой черт нам ненужная бумажка?

— Это не бумажка, а диплом врача. Моя будущая профессия. Я обещала отцу, Кате, а обещания надо выполнять, — всё еще всхлипывала я. Моя душа была согласна с аргументами Марка, но долг перед родными важнее. — Катя три года почти не спала, пока искала меня, я чувствую вину перед ней. Если сдержу обещание, окончу столичный вуз, мне станет намного легче.

— Горе ты мое луковое, совесть человеческая. Отныне так и буду тебя называть — мисс Обещайка, — Марк тихо засмеялся, увидев слабую улыбку на моем лице. — Знаешь, чем отличается женское слово от мужского?

— Чем же?

— Никто и никогда не затаит обиду на женщину, если она не сдержит обещание. Она святая по праву рождения. Эмоциональная, импульсивная, чувственная. Сегодня тебе хорошо — значит, можешь обещать миру счастье, завтра встала не с той ноги — пусть всё катится в пропасть. Удивительно, что мир прекрасно знает об этом и готов прощать вам переменчивое настроение. Мир понимает, что без женщины ему конец, капут, финита ля комедия, и принимает вас именно такими. И это правильно. Так что можешь каждую минуту давать уроки и каждую секунду их нарушать.

— Ух! Как здорово! — засмеялась я. — Значит, мир любит женщин, но суров по отношению к мужчинам?

— Мир и есть мужчина. Он сам придумывает правила. Если он позволит себе нарушать обещания — рухнет. Реки изменят течение, солнце встанет на западе, деревья оторвутся от земли, всё полетит в тартарары. Поэтому мужское слово — кремь, а женское — вода. Вода

точит камень, сглаживает острые углы, и камень ей за это благодарен, но он должен оставаться камнем. Поэтому можешь смело нарушать обещания и имеешь полное право остаться здесь.

Мне нравилось, что говорил Марк. Мне всё в нем нравилось. Именно таким в моем воображении должен быть мужчина — бесстрашным рыцарем, для которого слово и честь не пустые звуки. Защита слабых и справедливость, любовь к прекрасной даме — высшие ценности! Вот только Марк был не совсем мужчиной, а я не совсем женщиной. Лишь два месяца прошло с тех пор, как моя кожа прекратила гореть, а звук голоса перестал оглушать округу. Я Хранитель Тайги. Огненная сущность, вселяющая страх всему живому, — и даже порождениям Хаоса. Меня создали, чтобы спасти Тайгу и спрятанную в ней Колыбель человеческих жизней. И мне это удалось. Я защитила свой край от порождений Хаоса — якутских духов абасов, желающих превратить леса в ледяную пустыню. Я следила за равновесием между кланами оборотней — волков и тигров. И если бы не моя любовь к Марку, не отказ от возможности забыть его, я бы до сих пор была сверхъестественным существом.

Три года Марк думал, что потерял меня, но продолжал поиски. Три года мне не верилось, что когда-нибудь смогу опять прикоснуться к любимому, не превратив его в пепел. Целую тысячу дней я незримо была рядом с Велозаровым, не теряя надежды, что опять стану человеком. И вот два месяца назад нам удалось найти этот способ и снова обрести друг друга.

— Милана, — напомнил о себе Марк, — поверь, я покажу тебе мир, его многообразие, только всему свое время. Прошло лишь два месяца после трансформации. Пока непонятно, насколько сейчас хрупко и уязвимо твое здоровье.

Он был прав. Два месяца меня терзали кошмары. Я вскакивала посреди ночи и вглядывалась в темноту. В ней словно оживали тени Власовой, Азалии, абаса Павла... Я убила их, уничтожила. Они заслужили кары, но сны никак не давали забыть их лица и голоса. Я знала, что Марк переживает, старалась не рассказывать ему, но сегодняшней сон был таким ярким. Таким реальным, точно видение!

«Надо быть более осторожной и держать ухо востро!» — приказала я себе, лежа на животе и расчесывая пальцами запутавшиеся травинки на опушке.

Совсем скоро нам предстоит поездка в столицу. Мое обучение будет заочным, но нужно сдать дополнительный экзамен. Необходимо личное присутствие абитуриента, а значит, придется лететь в Москву.

Я была уверена, что наберу нужные баллы: учеба всегда давалась мне легко. Но поездка вызывала тревогу. Во-первых, Тайга останется без защиты, ведь Марк наотрез отказался отпустить меня одну, во-вторых, я знала, что слуги Хаоса не дремлют, а в-третьих, эти странные сны... Хотя нас не будет пару дней, Роман и Кайл останутся здесь. Да и что может произойти за каких-то сорок восемь часов?!

Именно так я успокаивала Марка, когда настаивала на нашем отъезде.

— Милана! — окликнул Велозаров. Он рисовал травинкой узоры на моей спине. — Раз ты у нас мисс Обещайка, уверенная, что сделаешь всё, о чем говоришь... Хочу попросить тебя дать и мне обещание.

— Какое? — я перевернулась на спину и внимательно посмотрела в любимые глаза.

— В Москве ты всегда будешь держать меня за руку.

— Даже на экзамене? — улыбнулась я, запуская ладонь в копну его черно-пепельных волос.

— Я больше не переживу расставания. Seriously.

— Обещаю, — промурлыкала я и прильнула к его губам.

Через месяц мы с Марком сидели в самолете. На моем запястье красовался браслет с хрустальной подвеской, в которой распевал песни жук Василий.

— Земля в иллюминаторе видна! Как сын грустит о матери, как сын грустит о матери, грустим мы о земле — она одна... — горланило насекомое, не давая мне сосредоточиться.

— Васюня, у меня скоро экзамен, дай повторить формулы!

Только я могла слышать мудрую букашку, ставшую моим поводырем и верным помощником.

— Какие формулы, когда «за крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги»? И все-таки ты глупая! Разве можно покинуть такую красоту ради ненужного диплома? И как только вожак согласился на твою авантюру?

— Я не покидаю, а улетаю всего на два дня. Сдам экзамен — и тогда уж точно полная свобода! Выйду замуж и заживу спокойной жизнью...

— Милана, — перебил мои рассуждения Марк. — Давай повторим, о чем договаривались?

— Никуда от тебя не отлучаться. В аудитории, где проходит экзамен, сидеть мышкой. Как только отвечу на вопросы, я должна не задерживаясь выскочить в коридор и на всех парусах кинуться к тебе, обнять, поцеловать и сказать, что очень соскучилась! — смеясь, отрапортовала я и крепче прижалась к плечу Велозарова.

Глава 3

Москва встретила нас прохладой. На следующий день после приезда мы отправились в университет.

Воздух в аудитории пропитался запахом мела и пота студентов. Я знала, что в коридоре ждет Марк. Стоит возле подоконника и буравит взглядом массивную дверь. Я физически ощущала его тревогу. Но после всего, что мы пережили, его гиперопека была не обузой, а продолжением нашей битвы за счастье.

Я вытащила билет и, устроившись около окна, начала писать формулы. Задание оказалось легким: я за пять минут накидала план ответа, оторвалась от экзаменационного листа и взглянула на поверхность стола. Вмятины от чужих ручек, выцарапанные чьи-то имена и... маленький грязноватый клочок бумаги, намертво приклеенный полоской скотча. Почему-то я не могла оторвать от него глаз. Сердце екнуло, предчувствуя недоброе.

Я наклонилась ближе, делая вид, что вчитываюсь в задание. Буквы были выведены неровным, угловатым почерком: «Если хочешь увидеть Катерину живой, умудрись уйти от Марка. Сейчас. Азалия».

Кровь отхлынула от лица, застучав в висках ледяными молоточками. Волчица Азалия... Я же убила ее! Помню глухой звук ее черепа о стену... но откуда эта записка? Откуда мои сны? Вдруг она выжила, и Кате действительно угрожает опасность? Рисковать сестрой я не имела права.

Но если это и Азалия, как она узнала, что я буду сидеть именно за этим столом?

Теперь я сосредоточилась. Мой измененный острый взгляд пробежался по другим партам: на каждой из них виднелся маленький клочок бумаги, приклеенный скотчем к столешнице. Я привстала, чтобы приглядеться: в записке на соседней парте те же буквы, составленные в те же слова: «... Сейчас... Азалия».

Ладони вспотели. Я нервно дернулась и машинально повернула голову к окну: на противоположной стороне улицы в серой дымке московского дня стояла она. Высокая, худая, в длинном кожаном пальто. И хотя с этого расстояния нельзя было разглядеть черты лица, я точно знала — это Азалия. Волчица медленно, почти театрально помахала мне рукой, а потом развернулась и скрылась за углом.

Мысли смешались в панический вихрь: «Марк ждет в коридоре. Мимо него и муха не пролетит. Как уйти, чтобы он не почувствовал неладное?»

План родился — отчаянный и безумный. Я изобразила на лице мучительную стыдливость и тихо, но внятно спросила у пожилого преподавателя:

— Простите, можно выйти? Мне нехорошо... от волнения.

Седая женщина с сочувствием в глазах кивнула:

— Конечно, детка, только побыстрее.

Сердце бешено колотилось. Я встала и направилась к двери. Каждый шаг отдавался в ушах грохотом. Вот рука на холодной металлической ручке. Вот она толкает дверь.

Марк стоял у стены как олицетворение напряженного ожидания. На нем красовалась рубашка с пиджаком свободного кроя и широкие брюки, которые он всегда носил на случай внезапного перевоплощения в волка.

Глаза Велозарова мгновенно нашли меня.

— Что произошло? — тревожно спросил он.

— Ничего, — я заставила себя улыбнуться, поднося руку ко лбу. — Просто... голова кружится. Разволновалась. Не переживай. Туалет вон, напротив. Ничего со мной не случится. Подожди меня здесь.

— Я с тобой.

— Куда? В дамскую комнату? Хочешь напугать молоденьких студенток? — напуская шутивную непосредственность, я наигранно улыбнулась. — Мой будущий муж не должен ходить по женским туалетам. Обещаю, я быстро!

В его взгляде сквозила борьба, забота и готовность помочь. Но уборная и правда была в паре шагов от нас, поэтому Марк со вздохом согласился.

— Хорошо, я буду здесь. Уверена, что врач не нужен?

— Сто процентов! Не переживай, я мигом! — пробубнила я и побежала по коридору в сторону указателя с женским силуэтом.

Как только дверь в туалетную комнату закрылась, агония сменилась холодной решимостью. Я несколько раз попыталась дозвониться до сестры, но связи не было. Я осмотрелась. Единственный выход из уборной — окно — старое, деревянное, с тугим шпингалетом. Я изо всех сил дернула его. Створка со скрипом распахнулась, впустив внутрь гул города и запах выхлопных газов. Внизу был узкий карниз, под ним — два метра до асфальта глухого двора.

Не мешкая, я перекинула ногу через подоконник и сползла вниз. Приземление отдалось болью в щиколотках, но я не стала оглядываться — рванула с места и вылетела из арки двора на оживленную московскую улицу.

Город поприветствовал меня грохотом — рев моторов, голоса, музыка из кафе. Я бежала, не разбирая пути, отчаянно озираясь в поисках фигуры в кожаном пальто. И всякий раз, когда казалось, что вот она, промелькнувшая в толпе, или вот, скрывшаяся за автобусной остановкой, — Азалия исчезала. Это была не погоня, а маневры призрака. Меня будто водили за нос.

Внезапно в конце переулка я снова увидела ее. Азалия стояла на ступенях, ведущих в метро, и смотрела прямо на меня. Она улыбнулась и растворилась в подземелье. Разумеется, я бросилась следом. Проскочила через турникет за парой туристов, спустилась по эскалатору на платформу. И снова — мелькнувшее пальто в толпе у самого края, у подходившего поезда.

Двери с шипением разошлись. В последнюю секунду я заскочила в почти пустой вагон, где в самом конце сидела Азалия. Теперь она не убегала. Она ждала.

Цепляясь за поручни, я двинулась к ней, чувствуя, как с каждым шагом мир остается позади, а меня затягивает в другую реальность. Поезд рванул с места, унося нас в самое сердце подземного лабиринта, навстречу неизвестности, где на кону была жизнь сестры.

Глава 4

Вдруг пол под ногами качнулся. Резко и необычно — будто всё пространство внутри вагона сместилось, растянулось. Азалия сидела неподвижно, всего в пяти метрах. Я сделала шаг. Еще один. Но расстояние до нее не сокращалось — оно чудовищным образом увеличилось. Я засемила быстрее, почти побежала по зыбкому, плывущему полу, а вагон удлинялся, превращаясь в бесконечный туннель с рядами пустых сидений. Азалия по-прежнему была далеко, и на ее губах играла та же ледяная насмешка.

Что происходит? Это снова сон? Наваждение?

В панике я остановилась, ухватившись за поручень, и в поиске хоть какой-то опоры — знакомого вида московской станции — посмотрела в окно. Но вместо кафельной плитки и рекламных плакатов за стеклом проплывал лес. Настоящий — густой летний лес! Я видела стволы сосен, залитые лунным светом, кусты папоротника, непролазную чащу. Поезд мчался сквозь заросли беззвучно, как призрак. Ни стука колес, ни гула — только мертвая тишина и жуткий пейзаж за окном.

Я снова повернулась: Азалия испарилась, растворилась в воздухе, будто ее кто-то стер невидимой рукой.

Пытаясь отдышаться, я опустилась на сиденье. Почему мы едем так долго? Где остановки? Где люди? В Москве всегда много народа, а здесь... Я огляделась. В начале вагона, возле двери, куда не доходил тусклый свет ламп, кто-то стоял. Кто-то, чей пристальный взгляд чувствовался кожей. Я всмотрелась в темноту...

— Марк! — вырвался сдавленный шепот.

Я кинулась к нему и повисла на шее, вцепившись в воротник так сильно, будто хотела убедиться, что Велозаров настоящий. Да, он был реальным, и от него пахло чем-то бесконечно родным.

— Но как? — задыхаясь, пролепетала я, отстраняясь, чтобы снова увидеть любимое лицо. — Как ты здесь оказался?!

Он не сразу ответил. Его руки крепко держали меня за плечи, а в глазах бушевала буря — ярость, страх, облегчение...

— Ты же обещала всё время держать меня за руку. — Он выдохнул, и напряжение в его пальцах чуть ослабло. — Я побежал за тобой через тот же чертов двор. Учужал твой след, твой страх, — Марк кивнул в пустоту, где только что сидела Азалия. — За кем ты погналась, Милана? Кто это был?

Я слотнула ком в горле, готовая рассказать про записку, Азалию в окне, ловушку. Но в этот момент поезд с оглушительным скрежетом затормозил. Я лишь успела вымолвить:

— Кате угрожает опасность!..

— Нет, — резко перебил Марк, и его взгляд стал острым, аналитическим. — Исключено. О Кате можешь не беспокоиться.

Я замерла, уставившись на него.

— Никто из слуг Хаоса не посмеет сунуться в тайгу, пока там действуют твои чары. Роман с Кайлом сейчас рядом с Катей. Их задача — не спускать с нее глаз.

Свет в вагоне мигнул и погас. За окном, в прогалинах между деревьями, показались огоньки. Не городские огни, а отблески костра.

— Марк, что происходит? Разве метро останавливается в лесу?

— Ничего не бойся, — твердый голос прозвучал прямо над ухом, — сейчас всё выясним.

Его руки сомкнулись на моей талии еще крепче. Двери вагона с шипением разошлись, впуская прохладную летнюю ночь и густой воздух, наполненный ароматом хвои и дыма. Марк снял пиджак и накинул мне на плечи.

Мы медленно вышли из вагона. Поезд стоял на заросшей травой и малинником насыпи. Состав терялся где-то вдали, извиваясь в темноте как гигантская змея. А перед нами в просвете между соснами пылал костер. Вокруг него плясали люди. Их песня — странная, горловая — состояла из незнакомых, старинных слов. Их силуэты метались на фоне огня.

Мужчины — в рубашках навывпуск, подпоясанных веревками или узкими поясами. Широкие штаны заправлены в портянки, обвитые вокруг голеней, а на ногах — грубые лапти. Женщины — в прямых сарафанах поверх длинных рубах, волосы убраны под платки. Ни намек на фабричную ткань, молнии, пуговицы.

Марк замер. Я почувствовала, как напряглись мышцы его рук. Он медленно повел головой, вбирая детали этого места: темный, непривычно низкий силуэт какого-то поселения вдалеке. Остроконечные шатры церквей. Отсутствие электрического света. Только луна, звезды и этот костер.

— Милана, — произнес он тихо, с ледящей интонацией. — Кажется, мы вышли не на той станции. Совсем не на той.

Я машинально потянулась к карману платья.

— У меня мобильник, — я взглянула на телефон, — но нет сети. Вообще. — Экран ярко осветил наши лица. В верхнем углу красовался зловещий крестик. — Попробуй свой.

Марк достал сотовый. Та же картина — ни сети, ни навигации. Он ткнул в экран, вызвав меню с датой. Мы уставились на цифры. Часы показывали наше время отправления. Но дата... Она мигала, сбрасывалась, демонстрировала хаотичный набор цифр, будто система не могла синхронизироваться ни с одним спутником.

— Это не Москва, — прошептал Марк, наблюдая за пляшущими людьми. Его взгляд скользнул по их обуви, инструментам у костра — деревянной сохе, серпам с темным от времени металлом, берестяным туесам. — Там, вдалеке, должен быть город, но это не столица. Странно, что нигде нет освещения. И говорят они... — он прислушался к обрывкам песни, — на каком-то древнем наречии. Как в старинных книгах.

— Вася, где мы? — обратилась я к жуку и посмотрела на запястье — туда, где должен висеть кулон. Браслета не было. Наверное, цепочка порвалась, когда рука задела за подоконник в университете.

Сердце упало куда-то в пятки.

— Уходим, — шепнул Марк, глубоко вдыхая воздух. — Это не секта и не ряженые. Лес пахнет по-другому. Древностью, отсутствием цивилизации.

Мы осторожно сделали несколько шагов к вагону. Вдруг одна из женщин обернулась. В ее взгляде отразился животный ужас. Она вскрикнула и указала на нас пальцем.

Пляски смолкли как по команде. Десятки пар глаз уставились на нас со страхом и враждебностью.

Из толпы вышел старик. Борода, как седая лопата, лицо в глубоких морщинах. Одет в поношенный кафтан из темно-синего сукна. На груди — медный крест. Острый изучающий взгляд скользнул по моему короткому платью, пиджаку Марка и задержался на наших лицах.

— Откель явистесья? — глухой, но властный голос прорезал тишину. — Какими судьбами на наше торжище припожаловали? Одевание на вас... зело диковинное. Неспроста, видно.

Марк выпрямился, и в его позе проступила хищная стать. Волк, готовый к бою.

— Заблудились, — ответил он без заискивания. — Дорогу ищем в Москву.

Старик беззвучно усмехнулся.

— Дорогу? — он медленно обвел рукой поляну, лес, темное небо. — Дорога в наш град для чужаков одна. Через огонь испытующий али через темницу государеву. Извольте выбирать, гости незванные.

Люди вокруг зароптали. Теперь кто-то сжимал в руке дубину, кто-то увесистый серп. Я почувствовала, как холодный пот выступил вдоль позвоночника.

Темница государева... Одевание, зело диковинное... Слова складывались в невозможную картину. Марк встретился со мной взглядом. В его глазах я прочитала то же осознание чего-то нереального...

Мы не просто заблудились. Мы провалились куда-то. Туда, где нет мобильной сети, электричества и где люди говорят и одеваются так, как будто сошли со страниц учебника истории. Куда мы попали? Ловушка Азалии оказалась хитрее и страшнее, чем я могла предположить. Волчица заманила нас не просто в метро, а в туннель чего-то непонятного.

Глава 5

Все стояли неподвижно. Гул недовольства и страха, который только что рокотал в толпе, сменился тишиной. Старик, чей властный голос несколько мгновений назад требовал от нас ответа, вдруг уставился на меня с таким выражением, будто увидел призрак.

Его пронзительный взор скользнул по моему лицу, задержался на волосах, заглянул в глаза. Старик что-то пробормотал. В зрачках мелькнул странный блеск. Рука Марка нервно сжала перстень на мизинце. Казалось, еще мгновение — и Велозаров превратится в волка.

— Нет... Не может стать... — выдохнул старик, и весь его грозный каркас рухнул. Голос теперь звучал тихо, почти растерянно. — Черты... черты те же... Душу ту же чуют...

Он сложил ладони в молитвенном жесте и сделал шаг вперед. С тяжелым вздохом опустился передо мной на колени и склонил голову.

— Отпусти, госпожа, ослепление старца... не признал в тебе кровь ея... кровь Феодосьи Прокопьевны. Матушка Морозова...

Я остолбенела. Сердце замерло. Морозова? Откуда он знает мою фамилию?

— Что он говорит? — тихо спросила я у Марка, чье тело всё еще было напряжено, как тетива лука.

— Его мыслей не слышу, но может быть, о Феодосии Морозовой? — прошипел Велозаров, не отводя глаз от старика. — Раскольнице, твоей дальней родственнице, которую уморили голодом. Это... не может быть совпадением. Значит, чары на нас навели серьезные. Не попали же мы в другое время?!

— Почему уморили-то? Завтра в Боровской острог отправят, — поднял на нас скорбный взгляд старик. — Туда ея упекут царские приставы за веру старую. Она и ныне под крепкой стражей в своих хоромах, но дух ея свободен и ведение имеет великое.

Он встал с колен, отряхнул прилипшие травинки и вытер руки о кафтан.

— Звать меня Спиридон. Род мой исстари служил предкам твоим, госпожа. Были они не токмо ревнители веры, но и хранители знаний тайных, что пришли с полудня, из земель лесных и холодных. Феодосья Прокопьевна — последняя, кто те тайны в Москве бережет. Сила рода твоего, чадо, — он снова посмотрел на меня, — дремлет в тебе. И видится мне, что беси на тебя ополчились, чуют спящую ту мощь.

Марк шагнул вперед, заслоняя меня собой.

— Морозова еще жива? Мы что, в семнадцатом веке?

— Так и есть, боярин, жива, — старик почти улыбнулся, увидев попытку Марка спрятать меня. — Сокол свою куницу крылом прикрывает, дело праведное.

— Как зовут вашего царя?

— Государь Алексей Михайлович. Тишайшим его величаем.

Я чуть не упала в обморок от услышанного. «Тишайший», — пронеслось в голове. Я могла многое представить. Мое прошлое Хранителя научило принимать как должное волшебство, духов, но... попадание в прошлое?! Это за гранью фантастики! Я протерла глаза и вылупилась на Марка. Он с невозмутимым видом продолжал задавать вопросы. Подумаешь, попали в семнадцатый век. Что здесь такого? Скоро выберемся — и вуаля! Делов-то!

— Мы заблудились. Есть ли проводник, который бы помог найти дорогу домой? Колдун, знахарка? — произнес Велозаров.

— Нет, но чувствую, что дорога назад лежит не через чашобу. Она лежит через знание, которое у матушки Феодосии имеется, и она ждет. Чувствую я это, — ответил старик.

— Но вы сказали, что она в тюрьме... Как мы к ней пройдем? — робко прошептала я и выглянула из-за спины Марка.

— Не в земляной яме еще, — покачал головой Спиридон. — Сидит она в палатах своих, стража у врат. Но для меня, для старого домочадца ее рода, тропа сыщется. Отважитесь ли со мной идти, госпожа? Рискнете внити[1] в опочивальню царских стрельцов, дабы обрести путь домой?

Я посмотрела на Марка. Он одобрительно кивнул. Что ж, у нас не было другого выхода. Чтобы спасти наше будущее, предстояло вернуться в прошлое — в застенки к самой знаменитой узнице того времени. В голове вспыхнул глупый, но единственный вопрос: «У меня в кармане лежит пауэрбанк, шоколадка и блокнот с ручкой. Что из этого может помочь подкупить стрельцов?»

Да уж, та еще история получается... Я познакомлюсь со своей прапрапрабабушкой. От этой мысли живот сковало спазмом. Я не просто увижу портрет в учебнике — встречу с живой женщиной, чья кровь течет в моих жилах. Что я ей скажу? Как буду выглядеть в ее глазах в этом коротком платье, с пиджаком Марка на плечах? От такого поворота событий голова закружилась, и утренняя дурнота нахлынула с новой силой.

Ночь поглотила древнюю Москву — незнакомую, темную, окутанную дымом печей и сыростью реки. Мы шли за Спиридоном по узким извилистым переулкам, где бревенчатые стены домов почти сливались над головами. Рука Марка лежала на моей талии, прижимая к себе крепко, будто любимый боялся, что я разобьюсь или меня унесет ветер.

— Скоро всё закончится, — его губы коснулись моего виска, — не волнуйся так сильно.

Положив ладонь ему на грудь и чувствуя под пальцами ровный и мощный стук сердца, я слегка расслабилась. Чему быть, того не миновать.

Спиридон остановился рядом с высоким частоколом. У ворот тускло мигал масляный фонарь, в его свете маячили две сонные фигуры в островерхих шапках — стрельцы. Сердце заколотилось. За время нашего пути я успела поведать Марку об Азалии, объяснить, почему сбежала от него, пожаловаться, что потеряла жука и что очень волнуясь предстать перед родственницей.

— Ждите здесь, — тихо промолвил старик. — Не шумите. Я отвлеку их. Как дам знать — проходите не мешкая.

Через минуту мы услышали его приветливый, немного хриплый голос:

— Братцы, царские слуги! Не найдется ли у вас углей для старого человека? Озяб совсем...

Спиридон замер, махнув рукой. Узкая щель между двумя теремами вела к глухой стене частокола. Старик снова что-то пробормотал стражникам, и пока те ворошили угли в жаровне, мы юркнули во внутренний двор.

Черный ход, скрипучие ступени, пропахшие ладаном... и вот мы в низкой горнице. Воздух здесь был густым, почти осязаемым, пропитанным молитвой и отчаянием. Пламя единственной лампы отбрасывало тени на бревенчатые стены и лики святых в иконах.

На дубовой лавке под этими ликами сидела женщина. Не просто сидела — пребывала в неподвижности, словно высеченная из темного дерева. Худая, вся в черном, но осанка... осанка царственная, прямая, будто позвоночник ее был стальным стержнем. И глаза... Когда она медленно подняла на нас взор, пламя лампы померкло перед ее внутренним огнем. Я уловила свое внешнее сходство с ней и осознала: это и есть Феодосия Морозова.

Ее взгляд скользнул по Спиридону, а потом устремился на меня. Марк инстинктивно шагнул вперед, но я остановила его.

— Чую... Чую кровь свою, — прошептала она голосом, похожим на шелест пергамента. — Примирись в тебе две природы, чадо. Кровь моя... и сила звериная. Дитя ваше во чреве твоём зародилось...

Я замерла, зажмурилась. Мир вдруг накренился и поплыл. Внезапная тяжесть сдавила грудь и горло. В смысле — «дитя во чреве»?!

Жук. Его бормотание про «второе сердце». Легкая, едва уловимая тошнота в университете, которую я списала на страх. Всё это пронеслось в голове безумной каруселью. Но это невозможно! Люди и оборотни... Так не бывает! Может, я от волнения что-то не расслышала или не поняла? Человек не способен зачать от оборотня... А вдруг?

Я стояла, чувствуя, как мир раскалывается на до и после. Рука Марка на моей талии вдруг ослабла, потом снова сжалась — уже не защищая, а будто ища опоры. Я услышала, как он резко, судорожно вздохнул и медленно выдохнул.

— Госпожа... — начала я, но слова повисли на языке. Потрясение от новости о беременности заглушило разум.

— Подойдите, чада, — сказала она мягко. — Дайте на вас поглядеть.

Мы медленно сделали несколько шагов. Теперь боярыня внимательно и пристально изучала Марка.

— Силен дух в тебе, зверь. Любишь ее?

— Она воздух мой, — вырвалось у Марка мгновенно — с такой быстротой, что у меня сжалось сердце еще сильнее.

— Не ведал, что искра новая в чреве ее? — опять спросила Феодосия. В голосе был не упрек, а утверждение непостижимой тайны. — В ней — грядущее обоих миров. Кровь Хранительницы и дух зверя-защитника.

Марк стоял не шелохнувшись. Стук его пульса будто остановился. Он медленно, очень медленно повернул ко мне голову. В шокированных янтарных глазах бушевал ураган — неверие, паника, ужас... Он не произнес ни слова — просто его ладонь на моем боку дрогнула, скользнула вниз и легла на живот. С такой осторожностью, будто он прикасался к чему-то запредельному, неизведанному...

— Как... — начал он. — Как это возможно? Она... я... мы...

— Возможно, — перебила боярыня. — Ибо вы не просто человек и зверь. Вы точка пересечения. Место, где заклатья Земли встречаются с древней силой Хаоса. Дитя ваше будет мостом. Или ключом.

Морозова наклонилась вперед, и в ее взгляде вспыхнул пророческий огонь.

— Сила рода моего, чадо, не в именах и не в злате. Она в крови дремлет. Память Земли, знание о вратах между мирами, что старше и Москвы, и царя, и самой этой веры, за которую меня сгноить хотят. Врата эти ведут не только в иные времена, откуда вы пришли, но и в миры, откуда являются твари, тебе, волкодлак, ведомые. Род мой хранил карту этих вех. И знал заклатья, чтобы их затворять.

Боярыня тяжело вздохнула.

— Завтра меня укутут в яму, и знание умрет со мной. Но кровь... проснется в твоём чаде. Пробудит и в тебе, дочь, то, что спит. Внемли же. Враг тот, что в образе волчицы преследовал вас... не случайно привел сюда, в это время, — она смотрела в мои глаза очень пристально, и голова закружилась еще сильнее. — Он ищет не просто мести и смерти твоей — ему нужно ваше «Малое солнце». Ибо кровь моего рода, смешанная с кровью оборотня, чадо, рожденное в любви, — это и есть единственный ключ, способный распахнуть врата междумирья. Вы должны сделать две вещи: защитить ваше дитя и найти гору, что в холодных краях.

Феодосия поднялась с достоинством и осторожностью. Приблизилась, и ее худые ладони обняли меня. От этого прикосновения, одновременно жесткого и невероятно нежного, по телу разлилось странное спокойствие.

— Кровинушка моя, времени у нас мало... — прошептала она. — Да будут твои пути светлы. Спаси землю, что мне видеть не доведется.

Феодосия отступила и сунула мне небольшой, потрескавшийся от времени деревянный гребень и туго свернутый кожаный свиток.

— Это отмычка. Когда найдете гору Спящего быка, перед ее ликом расчеши власы этим гребнем. Он откроет дорогу домой — к вашему времени. Он согреет тебя в холодные дни, только не снимай.

Осторожным, но уверенным движением боярыня взяла гребень и, не спрашивая разрешения, плавно вставила его в мои волосы. Ее тонкие холодные пальцы на миг коснулись кожи, и почти сразу же по лицу, шее и плечам поплыла мягкая, едва уловимая волна тепла. Не жара, а именно глубокого, успокаивающего тепла, будто я прижалась щекой к маминой ладони.

Внизу, со двора, донеслись приглушенные голоса и тяжелый стук сапог по ступеням: стрельцы поднимались по лестнице. Времени не осталось.

— У меня всего два вопроса, — вмешался Марк. — Беременность опасна для Миланы? И где найти ту гору?

— Ты получеловек, она тоже. Всё зависит от вас. — Боярыня пристально посмотрела на Марка. — Свиток укажет тропу. Ступайте же. Да хранит вас Господь и духи предков.

Спиридон торопливо кивнул. Мы повернулись, чтобы уйти.

— Дитя! — снова окликнула боярыня. Ее горящий взгляд был полон невыразимой тоски и надежды. — И... помяни меня, когда будешь там, где я никогда не бывала.

[1] Внити (церк.-слав.) — войти.

Глава 6

Мы вышли за ворота. Влажный воздух остудил легкие прохладой, но жар паники внутри не ослабевал. Ощущение чуда, встречи с родственной душой, путешествие во времени — всё это меркло перед новостью, которая ошеломила и перевернула мой мир с ног на голову.

Беременность.

Я была не готова. Наша с Марком жизнь — это борьба, вспышки страсти в промежутках между опасностями. Какой уж тут ребенок. Я даже не могла представить себя матерью. А уж матерью его ребенка...

Я украдкой посмотрела на Марка. Он шел, глядя под ноги. На лице непроницаемая маска, но я почти физически слышала, как в его голове крутятся когда-то сказанные им же фразы: «Дети? Эти крикливые комки эгоизма? Нет уж, спасибо». Мой вожак всегда говорил, что терпеть не может детей, а теперь он связан с этим «комком эгоизма» навсегда. Он этого не хотел. Не просил.

Я чувствовала себя так, словно совершила чудовищную ошибку. Будто обманула его ожидания, подвела, навязала ношу, которую он не готов нести. Его реакция пугала меня больше, чем Азалия, перемещение во времени или стрельцы. Поэтому я молчала. И он молчал.

Внезапно Велозаров остановился и повернул меня к себе. В его глазах бушевал целый шквал чувств — изумление, восторг и такая невероятная нежность, что у меня выступили слезы. Он смотрел так, словно видел чудо.

Огромные ладони легли на мои щеки, большие пальцы провели по скулам, смахивая невесомые слезинки. Его руки дрожали. Слегка, почти незаметно, но дрожали.

— Моя, — прохрипел Марк, и его голос сорвался на полуслове от нахлынувших эмоций. Он прижимался губами к моему лбу, целовал виски, брови, веки, волосы, сбивчиво бормоча между поцелуями: — Моя вдвойне. Втройне. Ты... мы... О боги, Милана! — Он отстранился на секунду, чтобы снова заглянуть в лицо, и на его губах расцвела такая ослепительная, победоносная улыбка, какой я никогда не видела. — У нас будет ребенок! Наш. Твой и мой. Это... это самое лучшее, что могло случиться! Я даже не знаю, как... — он замер, словно боясь спугнуть эту мысль, потом осторожно приложил ладонь к моему животу. — Я буду отцом. Я научу его всему. Мы...

Он не договорил. Дар речи, видимо, окончательно покинул его. В следующее мгновение Марк схватил меня на руки и с небывалой скоростью помчался в сторону леса.

Ночной ветер свистел в ушах, пока Велозаров бежал через окраину старой Москвы в лесные дебри. Его сердце грохотало, а я блаженно улыбалась. Марк обязательно найдет способ вернуть нас.

Я не видела дороги, только чувствовала бешеный ритм его пульса, бившегося в унисон с моим. Он прижимал меня к груди так крепко, что иногда было трудно дышать, но сдавленное дыхание не беспокоило. Быть в руках любимого, который счастлив от того, что я беременна, — невероятный коктейль спокойствия и радости! Момент, когда чувствуешь себя и хрупкой драгоценностью, и могущественной богиней одновременно.

Марк унес меня далеко в чащу, где даже луна с трудом пробивалась сквозь плотные лапы елей. Он долго принюхивался, вслушивался. Только убедившись, что вокруг ни души, остановился. Даже в темноте его глаза светились так ярко, что я поежилась.

— Скажи, ты знала о беременности? — хрипло выдохнул он.

— Василий что-то упоминал о втором сердце, но я не обратила внимания на его слова. Разве могла предположить? Да и не чувствовала ничего, — мой голос дрогнул. — А еще, я... так испугалась. Ты же всегда объяснял, что тебе дети не нужны. Что твой род — это стая...

Он не дал договорить. Закружил меня, словно безумный. Сосны поплыли вокруг хоро-
водом, а сдавленное рычание любимого зазвенело райским звуком.

— Горе ты мое луковое! — громко смеялся Марк, сжимая меня в объятиях. — Да я
счастливее всех! Просто пока не могу прийти в себя, сошел с ума и бесконечно этому рад!

Он поставил меня на ноги, но не отпустил — его руки держали за талию, лицо сияло в
лунном свете. Я прижалась к нему, чувствуя жар тела, силу его мышц под рубашкой, эйфорию,
которая исходила от него электрическим напряжением. Его запах будто шептал: «Ты моя, я
твой, мы в безопасности».

Волна тепла разлилась во мне от макушки до пяток. Его мощное сердце билось под моей
щекой, и я чувствовала, как пульс ускоряется. Любимый осторожно поднял мой подбородок.
В глазах мелькнуло удивление, непонимание, даже испуг.

— Лана, — голос понизился, — всё в порядке? Ты дрожишь.

— Не дрожу, — слова вылетели скороговоркой.

Я вдруг ощутила, что должна слиться с ним воедино... Мое тело, которое недавно цепе-
нело от страха, будто проснулось, оттаяло, запело. Каждая клеточка хотела подтверждения его
любви. Не слов — они уже прозвучали. А именно слияния. Во мне вспыхнула потребность
запечатлеть наши чувства.

Я встала на носочки и обняла его плечи.

— Марк, — прошептала я, приближаясь к губам, — хочу сейчас... Здесь.

Он застыл, в глазах промелькнула тень сомнения.

— И я хочу. Но как это отразится на беременности? Мне даже дышать на тебя сейчас
страшно...

— Ну Марк! — отстранилась я и притворно надула губы. — Неужели после новости о
ребенке станешь видеть во мне только будущую маму?

— Я теперь и бегать тебе не позволю. Буду следить за питанием, найду лучших врачей,
чтобы получать ежедневный отчет о твоём состоянии. Каждая пуговка будет застегнута, рука-
вички надеты, режим дня составлен...

— Марк! — возмущенно перебила я.

Он замолчал, и в его взгляде скользнула какая-то новая, глубокая серьезность.

Во мне же стыд за внезапное желание смешивался с животной потребностью — не похо-
тью, а попыткой вернуться в наше «до». В то время, когда я была просто его Ланой, а он —
моим Марком. К тому же от него исходила какая-то доселе незнакомая энергия — густые,
пьянящие феромоны абсолютной уверенности и счастья. Они действовали на меня сильнее
любого гипноза, превращая страх и тревогу в слепое, безудержное влечение.

Мои пальцы расстегнули первую пуговицу его рубашки, потом вторую.

— Я не хрустальная — живая. Твоя, а ты — мой...

Марк слегка сжал мои волосы в ладони — не сильно, но властно, заставляя поднять
голову.

— Обещай, — его голос стал низким, хриплым, дыхание участилось. — Если что-то
пойдет не так... если тебе будет больно, ты сразу скажешь. Подашь любой сигнал. Хорошо?

— Хорошо, — выдохнула я, проводя руками по напряженным мышцам его предплечий.
— А ты перестань думать. Просто чувствуй...

Я медленно сняла с себя пиджак, потом платье. Янтарный взгляд окинул мое обнаженное
тело, грудь... Это окончательно сломало его сопротивление. В глазах вспыхнул такой перво-
бытный голод, что желание во мне удвоилось.

— Не смотри на меня так, — улыбнулась я. — Иначе...

— Буду смотреть... — он накрыл мою спину ладонями и притянул к себе.

Первый поцелуй был долгим, будто Марк заново открывал вкус моих губ. Сильные руки
исследовали изгибы моего тела, слегка сжимали, скользили по бедрам, бокам, ягодицам. Он

вздохнул с облегчением, издал тихий, сдавленный рык, похожий на стон, и мягко, но властно положил меня на пиджак. Я даже не заметила, как Марк остался без одежды.

Его губы снова прильнули к моим в каком-то медленном, почти ритуальном касании. Лунный свет лежал на его плечах, выхватывая рельеф мышц. Любимый нашел опору и медленно, с бесконечной нежностью начал заполнять пустоту между нами... Я всхлипнула и прикусила губу.

— Всё хорошо? — прошептал он.

— Больше, чем хорошо. Не останавливайся...

Он послушался. Его ритм был сосредоточенным, глубоким, точно выверенным. Марк смотрел в лицо, ловя каждую перемену в моем дыхании, каждую пульсацию, каждую эмоцию... Его движения — сокрушительные, но сдержанные — походили на прибой, который накатывает, отступает и снова накатывает, унося с собой границы, мысли, страх.

Эйфория накрыла стоном. А потом — тишина... Лишь тяжелое, ровное дыхание и стук сердец.

Лунный блик пробился сквозь ветви и лег на его ресницы. Марк глядел в небо с такой безмятежностью, такой умиротворенностью, каких я не видела у него раньше. Я прижалась щекой к его груди и прикрыла веки.

— Марк, мы же вернемся домой?

— Обязательно вернемся, обещаю...

Глава 7

Я проснулась от легкого щекотания на виске. Моргнула, открыла глаза. Марк лежал на боку, подпирая одной рукой голову, в другой держал травинку, которой только что водил по моей коже. В его глазах танцевали солнечные зайчики.

— Солнышко, проснулась? Проголодалась?

Едва я открыла рот, чтобы ответить, как он положил мне на язык что-то прохладное и сладкое. Мякоть черники разошлась во рту взрывным вкусом лета.

— Прости, — Марк снова улыбнулся, поднося следующую ягоду, — но оставлять тебя одну, чтобы сбегать в город за яичницей с беконом, не решился. Пришлось обойти окрестные поляны.

Я снова размякла от благоговейного взгляда. Ладонь коснулась его запястья, чтобы ощутить под пальцами ровный, сильный пульс.

Когда последняя ягода была съедена, выражение его лица сменилось.

— Всю ночь прислушивался к тебе, — начал он тихо, — и к нему...

— И? Что там сказали?

Уголки губ Велозарова дрогнули в едва заметной улыбке.

— Он спит крепко, как и ты.

— Тебе повезло, а вот я ничего не слышу, не чувствую, даже малюсенького намека. Наверное, мои материнские инстинкты слишком слабы. Из меня выйдет плохая мама.

Мне вдруг захотелось расплакаться. Чтобы скрыть от Марка слезы, я перевернулась на другой бок.

— Глупенькая, — его руки мягко развернули меня. — Просто ты сама еще как ребенок, да и срок маленький. Если тебя не тошнит, ты не хочешь селедки с копчеными огурцами, не истеришь по любому поводу, хорошо себя чувствуешь — значит, всё идет как надо. — Велозаров нежно потерся носом о мою щеку и вдруг стал серьезным. — А еще я много думал о том, как сильно ошибался, когда говорил, что мне дети не нужны. Оказывается, очень нужны! Ведь ребенок, — его пристальный взгляд сверлил мои глаза, — это наше продолжение. Наша копия, лучшая копия. И я не имею права оставить вас здесь.

Марк поцеловал меня и медленно поднялся. Я не видела его лица, но чувствовала, как изменилось тело: спина выпрямилась, плечи напряглись. Он достал из кармана свиток, который дала нам боярыня. На пожелтевшем пергаменте были выведены причудливые знаки и нарисована схематичная карта — реки, леса, озеро, а в центре — гора, обьятая облаками.

— Всё утро изучал... и, увы, — он тяжело вздохнул, — придется снова возвращаться в столицу. Нужно выяснить, что означают эти закорючки, и понять, как называется гора в нашем времени. Карта древняя, всё изменилось. И еще... вчера я убедился, что не могу здесь читать чужие мысли, а эта способность сейчас очень бы пригодилась.

Он быстрым и резким движением свернул свиток.

— А еще нужно выяснить, откуда появилась Азалия. Как она узнала, что мы будем в Москве, почему ее видела только ты, а я даже не почувствовал? Кто этот загадочный урод, который хочет заполучить нашего ребенка? — Во взгляде Марка вспыхнула злость. — У меня есть предположение. Очень неприятное. Но его надо проверить.

— Какое? — прошептала я.

— Позже, — он покачал головой. — Сначала тебе нужно поесть как следует. А там... видно будет.

— Марк, могу я спросить о том, что никак не дает покоя? — я тоже встала и обвила руками его шею. — Может, попробуем спасти боярыню? Она моя родственница. Как буду дальше жить, зная, что даже не попыталась помочь ей?

— Я, конечно, не мудрец, — Марк обнял мою голову и прижал к себе, — но уверен, что прошлое менять нельзя. Даже маленькая трансформация приведет к фатальным последствиям — вплоть до того, что ты не появишься на свет или я не встречу тебя. Возможно, вчера боярыня выполнила свое главное предназначение — дала нам возможность вернуться в будущее, чтобы спасти самое важное, что есть во Вселенной — тебя и нашего ребенка.

Он аккуратно высвободился из объятий, и в его глазах засветилась решимость.

— А теперь, княжна Велозарова, нам пора. Будем искать для нашего «Малого солнца» дорогу домой. Подержи, — он снял рубашку и протянул ее мне. — Не потеряй, она мне еще пригодится.

Марк дотронулся до перстня на мизинце — и в тот же миг его кости хрустнули, мех провалился сквозь кожу. Он обернулся огромным волком и склонил к моим ногам голову, помогая взобраться на холку. Я запустила пальцы в густую шерсть на его загривке, запрыгнула на спину и устроилась поудобнее.

Через несколько часов мы оказались на знакомой опушке с почерневшим кострищем в центре — там, где повстречали Спиридона. Поляна лежала на краю деревни, отделенная от домов узкой полоской выгона. Я спрыгнула на землю. Прежде чем войти в ворота, мы обошли место, где остановился вагон-призрак. Как я и предполагала: ни рельсов, ни насыпи, только поросшая папоротником канава. Марк долго изучал землю, кусты, прислушивался к звукам. Его волчья морда была непроницаема, но я ощутила, как напряглись звериные мышцы. Видимо, он учуял что-то опасное и уткнулся холодным носом в мою ладонь, словно успокаивая. Я же изо всех сил пыталась найти кулон с Василием, лелея надежду, что жук потерялся именно здесь, а не в университете. Осмотрела каждую травинку, веточку, призывая жука по имени, но медальона не было. Неужели потеряла друга навсегда? Слезы навернулись на глаза, захотелось разреветься. Марк увидел мое состояние, обернулся человеком и взял меня за руку.

— Он найдется. Обязательно. Такие, как Василий не теряются. Может, жук специально улизнул, чтобы потом обрадовать своим внезапным появлением. Ты же знаешь его, болтливый хитрец.

Деревня встретила нас лаем собак и любопытными, настороженными взорами из-за плетней. Мужчины в широких штанах и грубых косоворотках, подпоясанные веревками, чинили телегу. Женщины в холщовых сорочках, сгорбленные под тяжестью коромысел, провожали нас взглядами исподлобья. В их глазах читалась усталость, покорность и недоверие к чужакам.

Я с интересом рассматривала бревенчатые избы с маленькими, словно прищуренными волоковыми окошками, покрытыми тесом или соломой. Между ними ютились амбары. Воздух пах дымом и навозом.

Марк окликнул пробежавшего мимо парнишку в рваной рубахе и лаптях.

— Где сыскать старца Спиридона?

Мальчишка замер, широко распахнул глаза и молча указал на крайнюю избу с резным коньком на крыше.

Спиридон стоял на пороге. На лице — странное выражение радости и тревоги.

— Не чаял видеть вас снова, госпожа, — поклонился он мне, а потом вопросительно взглянул на Марка.

— Накорми ее, прошу, — тихо сказал Велозаров и снова принялся, будто изучая обстановку. — А нам с тобой потолковать надо.

Мужчины скрылись в темноте сеней, а я осталась в небольшой комнате. Тут же появились две женщины, усадили меня за стол, поставили миску с мутной похлебкой и дали ломоть свежего черного хлеба. Я действительно проголодалась. В животе заурчало. Я накинулась на еду, успеваю, однако, озираться по сторонам и прислушиваться к мужским голосам за стеной. Закончив трапезу, прошлась по комнате, заглянула в сундук около печки и вышла на улицу.

У плетня на припеке возились ребятишки. Двое мальчуганов гоняли палкой обруч, а девочка лет пяти качала на руках тряпичную куклу. Дети были худые, с большими глазами, но резвые и крикливые. Я засмотрелась на них, вспомнила наше с Катей детство, улыбнулась и не заметила, как ладонь сама потянулась к животу. Неужели и у меня будет такое маленькое родное чудо?

Ко мне подошла девушка в сером фартуке и белой рубахе.

— Аль дивуешься, боярышня, на нашу мелкоту? — с любопытством спросила она. —

Шумны они, словно галчата.

— Они прекрасны, — улыбнулась я.

— Звать меня Олёнкой. Я по белью на пруд собираюсь. Одной скучно тащиться. Пойдем, аль нет?

— А далеко пруд?

— Не, вон там, за околицей!

Я оглянулась на избу, где Велозаров разговаривал со Спиридоном. На секунду во мне зашевелились сомнения. Марк бы не одобрил. Он бы нахмурился, взял за руку и тихо сказал: «Ты куда?» Но любопытство заставило сделать шаг вперед. Ничего же страшного не случится. Всего лишь до пруда и обратно. Я согласно кивнула.

Олёнка взяла огромный короб, набитый бельем, и мы пошли по тропе, убежавшей к пруду. Моя новая знакомая двигалась легко, словно плыла по земле. Ее плечи были расправлены; быстрый, любопытный взгляд то и дело скользил по мне.

— У вас тут тихо, — прервала я молчание.

— Тихо-то тихо, — вздохнула она, — да сердце не на месте. Слышала, в городе опять мор идет, — Олёнка таинственно понизила голос. — В лесу то волк завоет не по-волчьи, то словно стон какой. Старики глаголют, не к добру это. Земля чует смуту... — она замолчала, а потом продолжила: — А ты, боярышня, ох какая красная девица. Сразу видно — нездешняя. Словно из иного мира свалилася. Из тьмы лесной али из светлицы небесной.

Я смутилась от неожиданного комплимента.

— Почему же из иного?

— А вон почём, — Олёнка ткнула пальцем в мою голову. — Коса-то у тебя до пояса, да какая! Белая, словно зимний снег. Таковых и не видывано. Да и очи... — она прищурилась, изучая мое лицо. — Слишком ясные, голубые-голубые, будто озеро в погожий день. У простых девок таких не бывает. И уста... ровные, словно жемчугом усеяны. Не сыскать таких среди наших, — она покачала головой, и в голосе зазвучало почтительное недоумение: — Может, ты царевна какая заколдованная? И стать... дивная. Ножки-то видны из-под подола — прямые, лебединые, загляденье. Не работница ты.

Что говорить? Меня так и не научили отвечать на комплименты.

— Просто из далеких мест пришла, там все такие, — пробормотала я, глядя на свои действительно слишком чистые для крестьянского быта руки, и спрятала их за спину.

Олёнка кивнула, как будто услышала что-то очень мудрое и подтвердившее ее догадки.

— Из далеких... оно и видно. Пойдем, красна девица, а то белье не выполошем.

Мы вышли на мелководный пруд. Олёна ловко скинула лапти, зашла в воду по щиколотку и, достав белье, начала с силой бить им о плоский камень. Я попыталась повторить, но мои потуги выглядели забавными по сравнению с ее уверенными движениями.

— Ничего, научишься, — звонко засмеялась она. — Всякому делу наука нужна.

Я смотрела, как Олёнка проворно управляется с тяжелым, мокрым холстом, глядела на блестящие капельки пота, стекающие по ее лицу, и не переставала удивляться превратностям судьбы. Разве могла когда-нибудь подумать, что увижу всё это воочию?!

Вода в пруду была темной, почти черной, и отражала небо. Неожиданно одна из рубах выскользнула из рук Олёны и неестественно быстро пошла ко дну, увлекая за собой шлейф

пузырей. Я инстинктивно шагнула вперед, хотела ухватиться за уплывающую ткань, но рубахи и след простыл.

Внезапно по воде пробежала рябь — не от ветра, а словно изнутри. Темнота в глубине сгустилась, закрутилась воронкой. На миг показалось, будто я смотрю не в пруд, а в бездонный колодец, ведущий куда-то в пустоту. И из этой пустоты медленно проступило ярко-белое безжизненное лицо Харги — короля духов-абасов. Именно его я победила три года назад, но тогда он виделся мне воплощенным ужасом. Его взгляд, казалось, был способен убить на месте. А сейчас... сейчас он смотрел иначе. Его единственный большой чернильный глаз пристально и не моргая уставился на меня, медленно приближаясь. Во взоре отсутствовала прежняя ярость — теперь в нем жило холодное любопытство, с каким ученый разглядывает редкий экземпляр. Огромные, причудливо изогнутые рога на голове Харги зашевелились, истончились и превратились в узкие, похожие на щупальца веревки. Они потянулись из глубины прямо к поверхности, к моим ногам.

Глава 8

— Милана! — панический и резкий крик заставил вздрогнуть и отпрянуть от воды. Я рванулась назад, под ногами поплыла глина. Руки Марка поймали меня и прижали к его груди. Он был бледен, дыхание сбилось от быстрого бега. — Я же просил никуда из дома не выходить! — прошипел он голосом, наполненным животным страхом. Пальцы пробежались по моему телу, проверяя, цела ли я.

«Это был не Харги, а галлюцинация, — утешал внутренний голос. — Усталость. Отражение облака. Ты испугалась мокрой рубахи, и мозг дорисовал знакомый кошмар. Логично, разумно и совсем нестрашно. Перекошенное от ужаса лицо Марка, выступившие капли пота на его лбу — вот что по-настоящему страшно. И виновата в этом ты сама».

— Всего лишь помогла корзинку донести, — пытаюсь успокоить любимого, я натянула на губы беспечную улыбку и всколыхнула ему челку. — У, как бежал, будто на пожар опаздывал!

В доме Спиридона пахло печным дымом — ароматом, который должен ободрять, но сейчас лишь подчеркивал гнетущую атмосферу. Марк закрыл дверь — щелчок засова прозвучал слишком громко. Велозаров повернулся, и моя старательно наигранная улыбка разбилась о суровую стену его взгляда.

— Милана, — голос был тихим, ровным и оттого пугал сильнее крика. — Ответь честно. Тебе когда-нибудь, хоть один разочек, удавалось быть послушной? Не по прихоти, а потому, что тебя попросили?

Он сделал шаг, приближаясь. Напряжение в его теле усилилось.

— Если я сейчас встану на колени, — его слова звучали отчетливо, вызывая во мне прилив стыда за свою беспечность, — и буду умолять тебя никуда не ходить, пока меня нет... Ты постарайся? Хотя бы постарайся?

Он не кричал. Кричала тревога в его глазах — которая бывает у зверя, потерявшего из виду детеныша.

— Да, — выдохнула я и затеребила подол платья, — обещаю. Буду послушной. Теперь всё, что скажешь, — закон. Ну Марк...

Я глупо улыбнулась, попыталась прижаться к нему, смягчить его волнение. Найти хоть каплю привычного тепла в этой ледяной серьезности. В конце концов, ничего не случилось. К тому же я не маленькая, во мне осталась сила Хранителя, если что — смогу постоять за себя. Правда, с утра я чувствовала непривычную слабость...

Марк мягко отстранил меня, держа за плечи.

— Мне нужно в Москву, — он внимательно посмотрел, будто проверяя, доходит ли до меня смысл его слов. — Взять тебя с собой не могу. Не проси. Это не обсуждается.

Он поднял руку, чтобы остановить готовый сорваться с моих губ протест.

— На карте символы, которых старик не знает. Нужен человек, способный помочь. Если пойдешь со мной, мои руки окажутся связаны, буду всегда оглядываться на тебя. Я вернусь... максимум через день. Тут безопаснее. Спиридон и вся деревня за тобой присмотрит.

Марк бережно обхватил мое лицо ладонями и заглянул в глаза.

— А теперь обещай, что не подойдешь к пруду ближе чем на сто шагов. Упаси Бог пройтись по лесу! Сядешь на завалинке, вон на той, — он кивнул в окно, — и начнешь... вышивать, что ли. Или облака считать. Дышать этим благодатным воздухом. Больше ничего. Никуда. Обещай мне это. Пожалуйста.

Что я могла поделать? Он не дал мне и шанса возразить. Если так ему будет спокойней, пусть идет один. Марк умен, опытен, а главное — его страх сейчас такой острый, что невозможно ослушаться. Я нехотя кивнула:

— Ладно.

Велозаров крепко обнял меня, прижался губами к моей макушке и, не оглядываясь, вышел из дома.

Конечно, я понимала, что нужно сидеть тихо. Да и к пруду идти не хотелось. Интересно, почему в воде привиделся Харги? Надо было Марку все-таки рассказать.

Я подошла к столу, машинально поправила скатерть, переставила тяжелую кружку, которую Марк отодвинул к краю. Пальцы дрогнули, когда коснулась трещины на деревянном блюде. Обещала ничего не трогать — значит, не трогаю. Села на лавку, сложила руки на коленях и заставила себя выпрямить спину. В груди всё еще kloкотала неприятная смесь покорности, беспокойства и чего-то невысказанного. А где-то на самом дне, под всеми разумными доводами, шевелилась простая, детская мысль: «Мне без Марка страшно».

Я тряхнула головой, прогоняя слабость.

Утро выдалось тяжелым, в теле ощущалась непривычная вялость, но раскисать нельзя. Боярыня сказала, что сила во мне есть. Значит, я должна быть готова.

Взгляд упал на окно. Марк велел сидеть на завалинке и вышивать. Вышивать я, конечно, не стану — иголку в руках толком не держала, но воздухом подышать и за округой присмотреть стоит. Если где-то мелькнет силуэт Азалии или покажется что-то подозрительное, я замечу первой. И тогда не буду беспомощной девочкой, смогу постоять за себя.

— Госпожа, — тихо сказал Спиридон. Я не заметила, как он вошел в дом. — Не гневайся, но одежда твоя... постыдная. Вон все ноги напоказ. Негоже боярышне. Племянница тебя в горницу проведет, переоденешься.

Вскоре в дверь постучали, и появилась Олёнка с доброй, смешливой улыбкой и охапкой одежды в руках.

— Не тужи, — звонко произнесла она. — Мужик твой дело знает. А мы тебя приоденем, всё как подобает.

Она повела меня в соседнюю комнату. Облачение началось с льняной рубахи до пят — что-то вроде очень просторной и длинной ночнушки с широкими рукавами, которые у запястья стягивались шнурком. Ткань была приятной, хоть и не очень гладкой. Она пахла сухой травой. Поверх на меня натянули платье-сарафан ярко-красного цвета с расшитым черными и золотистыми нитками подолом. Образ завершила широкая шелковая лента на голове, концы которой Олёнка бережно опустила на мои плечи.

— Ну вот, — с удовлетворением протянула она, окидывая меня взглядом. — Теперь ты наша. Настоящая боярышня.

Новая одежда диктовала свои правила. Тяжелый подол немного стеснял шаг, а складки сукна непривычно и плотно облегли бедра. Сделать широкий взмах рукой или побежать уже не получится — только плавное скольжение. Я попробовала повести плечами, воображая царевну-лебедя — сарафан отозвался легким шелестом. Тело, привыкшее к джинсам и свободе движений, теперь было закутано, запечатано в эту странную, величественную форму.

Когда я вышла в общую комнату, Спиридон одобрительно кивнул. Видимо, теперь я выглядела «правильно».

Я села на лавку, подобрав ноги и, как и велел Марк, уставилась в окошко на деревенскую улицу. Сидела и изо всех сил старалась не думать ни о призраке в воде, ни об отъезде Велозарова, ни о том, что внутри меня развивается существо, не похожее ни на одно живое создание во Вселенной.

Глава 9

Всё следующее утро я слонялась по деревне, ответственно выполняя обещание: радовалась чистому воздуху, любовалась облаками, похожими на ватные острова... Следила, как солнечные зайчики играют на бревенчатых стенах, как воробьи купаются в пыли на улице. Как мужики, доделав телегу и прикрепив ее к лошади, катают громких, визжащих от восторга ребятишек...

Казалось, я наблюдаю за миром через толстое, слегка мутное стекло. Все звуки были приглушенными, краски — чуть блеклыми. В мыслях ворошились вопросы и волнение.

Интересно, что делает сейчас Велозаров? Я старалась отгонять тревогу: Марк сильный. Несмотря на то, что в его характере исчезла воинственность и жестокость, во мне жила уверенность: ничего не случится. Он вернется. Он обещал. А я? А мы?

Мысль острой щепкой вонзилась в сознание. Рука сама потянулась к животу...

Я боялась. Боялась беременности. Всю ночь в голове роились мысли: что растет внутри меня? Кто там? Человеческий ребенок? Волчонок? Или нечто третье, неизвестное? Как он будет выглядеть? Смогу ли его выносить? Что, если силы Тайги, которые, возможно, до сих пор во мне, отторгнут его? Или, наоборот, поглотят?

А роды... Вдруг что-то пойдет не так? Если мы застрянем здесь навсегда, ребенку придется появиться на свет в чужом времени — без будущего, без дома... Что тогда?

Надо вернуться. Ох, как надо! Только в своем мире, своей Тайге я смогу быть в безопасности. Лишь там, возможно, найдутся ответы.

«Катя!» — мысль о сестре пронзила новой болью. Она опять волнуется из-за моего исчезновения... И как жаль, что Василий потерялся! Мой любимый, надежный и верный друг неизвестно где. Его практичный, вечно недовольный голосок сейчас бы ох как пригодился. Он бы что-нибудь пробурчал, посоветовал, успокоил своим уверенным «не дергайся, всё образуется». Неужели больше не увижу его? Вася...

Я ощутила щемящее чувство в груди — тоскливое и беспомощное. Комок подкатил к горлу. Захотелось плакать. Рыдать от страха за ребенка, от тоски по дому, от боли за сестру, от потери друга. Я закрыла глаза. Где-то заливисто лаяла собака. Жизнь здесь текла простая и понятная. А моя — зависла в неопределенности, как тот паук в паутине, качающейся между прошлым и будущим, между ужасом и надеждой.

— Эй, невеста морская, хватит туманы пускать! — прозвенела за спиной Олёнка. — Иди сюда, поможешь.

Она предложила месить тесто для хлеба. Я вкладывала в этот процесс тревогу так рьяно, что руки заболели от непривычного усилия. Тесто будто превратилось в моего мысленного врага — плотного, вязкого, но требующего смирения. Каждый удар ладонью, каждый шлепок о дно квашни [1] — попытка выдавить из себя страх и замесить его в мучную массу.

Потом Олёнка разложила передо мной лоскут небеленого холста и коробочку с нитками. Показала затейливые узоры. Это была своего рода магия, которую я не знала раньше — домашняя, кропотливая, требующая терпения.

— Вот ромб — поле, — палец Олёнки двигался по контуру ткани, — а по углам — крестики-зернышки. Чтобы земля родила. А здесь, — волна-вода. Чтобы дожди пришли вовремя.

Я взяла пяльцы и иглу. Сначала выходило коряво: нитка путалась, стежки ложились неровно. Я кусала губы, распускала и начинала снова. Моей тревоге приходилось смиряться, превращаться в размеренное движение — вверх-вниз. Я вышивала, как молилась. Каждый новый крестик — будто заклинание: «Пусть с Марком всё будет хорошо. С ребенком — всё отлично. Скоро мы вернемся домой...»

После обеда я вышла во двор. К моим ногам подкатился деревянный кубарь[2]. Маленький мальчишка поднял голову, преданно посмотрел мне в глаза и протянул свою игрушку. Его беззубая улыбка и залиvistый смех тоже отвлекли от гнетущего предчувствия беды. Я села на завалинку и стала катать мяч.

Позже, когда солнце начало клониться к лесу, я забралась на сеновал. Оттуда хорошо просматривалась дорога. Та самая, по которой завтра вернется Марк.

День прошел — и слава богу. Пора возвращаться к Спиридону и укладываться спать.

Всё случилось на закате. Собаки залились истеричным лаем, затем раздались крики. Я бросилась к окну. Через мгновение Спиридон ворвался в комнату:

— Лезай в сундук! — скомандовал он громким шепотом. — Живо!

— Что случилось? Кто там?

— Лихие люди! Стёпка Кривой! — старик держал открытой крышку короба, его глаза суетливо бегали по мебели. — Слух прошел, что в деревне диковинная боярышня поселилась. Шныряют, спрашивают про чужую девку, про тебя, видать! Лезай, пока не усмотрели!

Времени на возражение не было. Я машинально задвинула гребень глубже в волосы и заскочила в короб.

Тьма ослепила глаза... Кромешная темень, спертый воздух и приглушенные уличные крики.

«Сиди тихо. Сиди, кому сказала!» — мысленно приказывала я себе, когда руки порывались открыть крышку сундука.

Еще чего! Хранитель я или нет, в конце концов?! Пусть я утратила огненную мощь, но мои кулаки помнят тренировки! Я выбралась из укрытия и кинулась к окну.

Там шныряли люди. Не призраки, не духи, а самые настоящие разбойники, одетые в пестрое тряпье: рваные зипуны, потертые кафтаны. У одного в руках сверкала сабля, у другого — окровавленный кол. Они вламывались в избы, вышвыривали на улицу узелки с добром, кричали на женщин, требуя припрятанное...

Крестьянка выбежала из соседнего дома с оглушительным визгом, когда один из лихих выкинул на улицу ее сундук. Этот крик будто сорвал какую-то пелену. Деревенские мужики, до этого стоявшие в оцепенении, зароптали. Кто-то бросился за косами и вилами.

Первым кинулся на обидчика парень лет шестнадцати. Он ударил разбойника в спину древком от вил. Тот, охнув, развернулся и ответил парню обухом топора по голове. Кровь... живая алая человеческая кровь брызнула на пыльную землю. От этого зрелища желудок сжался в тугий узел.

Начался ад. Крики, звон железа, предсмертные хрипы. Я видела, как наш сосед, мужчина лет шестидесяти, проткнул косою горло одному из нападавших, но тут же сам получил удар ножом в спину. Воздух гудел от боли и ярости.

Вдруг двое громил вытащили на улицу Олёнку. Она отбивалась, царапалась, но рыжий детина с веснушчатым лицом занес над ней кулак.

Теперь я не думала — рванула во двор, подбежала сзади и изо всех сил саданула рыжего по уху. Удар вышел звонкий, неожиданный. Разбойник ахнул, отшатнулся. Я тут же толкнула второго — того, что держал Олёнку. Он поскользнулся и тяжело рухнул на землю.

Получилось! Но эйфория длилась недолго. Тень упала сбоку, и я обернулась. Передо мной стоял высокий мужчина — сухощавый, в темном богатом кафтане, подпоясанном широким ремнем с серебряной пряжкой. Лицо не грубое — усталое, с холодными пронзительными глазами. Он смотрел на меня не с гневом, а с нескрываемым, жгучим любопытством. В его глазах вспыхивал какой-то странный огонек. Мужчина медленно подошел, оттеснил рыжего и встал передо мной.

— Ну и диковинка, — произнес он тихо, без насмешки, почти с восхищением. — Откуда здесь такая госпожа-воительница завелась?

Он сделал шаг вперед. Я инстинктивно встала в позу, которой меня учил Кайл: «левая нога впереди, опираешься о пол всей подошвой...» Разбойник усмехнулся.

— И этому обучена? И впрямь — пава невиданная.

Я сосредоточилась, пытаясь высечь из себя искры былых сверхспособностей, вызвать хотя бы порыв ветра — увы, природа совсем не слушалась меня. Да и сила исчезла. Еще неделю назад от моего удара бандиты валялись бы в нокауте, разметанные по земле, а сейчас они поднялись и стояли возле долговязого, отряхиваясь и ощупывая ушибленные места. Я медленно отступила на шаг, стараясь держать дистанцию. Пальцы дрожали то ли от напряжения, то ли от бессилия. Я снова вскинула руку, попробовала представить, как воздух сгущается передо мной в плотную стену, но перед глазами лишь слегка помутнело, и больше ничего. Могущество исчезло. Совсем.

Долговязый сделал вид, что тянется ко мне, будто хочет коснуться щеки. Я рванулась, чтобы отбить ладонь, но его вторая рука схватила меня за запястье, провернула его за спину и лишила возможности двигаться. Боль пронзила плечо, заставив вскрикнуть.

— Не бойсь, не трону, — его губы почти коснулись моего виска. — Только поглядеть хочу. Таких еще не видывал. Ну и глазища!

Удерживая с изощренной жестокостью, которая причиняла боль, он подвел меня к своему коню и вскинул в седло. Я полетела животом на жесткую кожу, ребра врезались в лук, дыхание перехватило. Пальцы вцепились в гриву.

Перед тем как самому запрыгнуть, разбойник наклонился к моему уху:

— Звать меня Степан, — сказал он, замороженно посмотрел в лицо и провел языком по моей щеке. В его глазах был не интерес — там царила одержимость. Разбойник засморкался и нервно закашлялся, — А ты мой клад теперь!

Степан гаркнул что-то своим, и мы рванули с места, оставив позади дым, крики, запах смерти.

Гребень в волосах болезненно впился в висок, будто пытаюсь удержать меня здесь. Но было уже поздно.

— Марк! — крикнула я, задыхаясь от пыли и собственного бессилия...

[1] Кадка для теста.

[2] Детская игрушка, разновидность волчка.

Глава 10. Марк

Я метался по старым московским улицам, заглядывал в душные кабаки, приставал к торговцам в лавках, тыкал им в лицо кожаным свитком:

— Гора! Где эта гора, похожая на спящего зверя?

Мне показывали на юг, на север, клялись, что видели подобное во сне. Одни крестились, другие плевались, третьи звали стражу. Боярыню Морозову уже упекли в подземелье. Мысль штурмовать царскую тюрьму сверлила мозг — отчаянный, безумный план. Но что еще оставалось? Ночью пойду в острог, она должна дать все ответы.

Солнце убежало за горизонт. Стоя посреди темной площади, я собирал мысли в кучу и вдруг почувствовал тонкий, ледяной укол где-то под сердцем. Не боль... зов. Ее зов. И тот же страх, что уловил в ее голосе, когда она увидела Азалию в окне аудитории.

Милана!

Вся моя сущность, каждое волокно оборотня взревело. Я замер, вслушиваясь в тишину инстинктов. Все кусочки пазла, отрывочные догадки сложились в ужасающую картину.

Михайлов. Предатель из моей стаи. Хотел сразу его убить, но я смалодушничал... Он сбежал к абасам за месяц до нашего отлета в Москву. Я знал, но отгонял от себя эту угрозу, был занят Миланой, нашей новой жизнью. Глупец. Я недооценил Харги: король абасов не простил ей своего поражения. Дождался, когда Милана лишится могущества. Моя девочка успела окружить Тайгу защитным заклетьем, но сама потеряла все силы. Михайлов рассказал Харги, что она уязвима...

Вагон и место у деревни воняли Харги. Он умеет воплощаться, наводить страхи. Абасы ходили рядом всё это время. Они использовали оболочку Азалии как наживку, как проводника, чтобы заманить нас во временную ловушку, а я был отвлечен, ослеплен заботой и любовью.

Какой же я глупец! Деревня небольшая. Мужиков немного. Против магии абасов они бессильны.

Зря я оставил ее. Зря!

Мысль ударила с такой силой, что у меня перехватило дыхание. На миг показалось, что я вдохнул запах дыма и гари — едкий, чужой. Это был не московский запах. Незнакомый, страшный... Сердце сперва замерло, а потом заколотилось с болезненной частотой.

Я побежал. Острая паника вцепилась в горло. Внутренности сжались в комок. Мозг выкрикивал одну-единственную команду:

«Скорее! Волком, обернуться волком!»

Я сбивал прохожих, не обращал внимания на вопли. Летел к заставе. За город — к единственному месту, которое теперь имело самое важное значение.

Смрад ударил в ноздри раньше, чем глаза увидели беду. Не просто запах гари, а сладковатый, приторный дух горелого дерева и жареного мяса. Сердце оборвалось еще до того, как разум успел сделать выводы. Я сиганул с тропы, прорываясь сквозь кусты.

Перед глазами открылась панорама ада.

Деревни почти не было. Обугленные срубы торчали из земли. Над некоторыми поднимался ленивый дымок. Тишина. Такая оглушительная, что в ушах зазвенело. Ни мычания коров, ни детского плача, ни скрипа дверей. Только треск остывающих углей.

— Нет...

Я обернулся человеком и бросился к месту, где стояла изба Спиридона.

— Милана!

Горло почти разорвалось от крика. Я влетел на еще горячее пепелище, разбрасывая ногами головешки — ничего! Только зола и обгоревшие кости какого-то животного. Живот-

ного ли? Холодная и липкая паника сдавила глотку. Я метнулся к остаткам соседней избы, потом к другой. Повсюду — следы грабежа и насилия. И тишина...

Вдруг — шорох. Из-за покосившейся бани выползла знакомая фигура. Спиридон. Он был страшен: лицо в синяках, одежда порвана, в руке — окровавленный костыль. Старик смотрел с такой вселенской скорбью, что у меня подкосились ноги.

— Где она? — проскрежетал я, подбежал к нему и схватил за хилые плечи. Пальцы впились в суставы так, что он застонал. — Где Милана?! Жива?!

— Жива, барин. Жива. Наверное... — прошептал он. — Прости... старик окаянный не уберег.

Звук, который вырвался из моей груди, не был ни криком, ни ревом. Это был вопль зверя, у которого выдрали сердце. Я рухнул на колени, вдавливая кулаки в горячую золу. Весь мир сузился до боли, острой и физической, будто меня самого живьем поджарили на этом пепелище.

Спиридон, пошатываясь, опустился рядом. Его рука легла мне на спину, но я ее не чувствовал.

— Лихие люди... шайка Степана Кривого... на закате нагрянули, — старик говорил прерывисто, задыхаясь. — Мы отбивались как могли. Милана... она за Олёнку вступилась... да как пойдет их бить! Не девка, а матерый волк в ней проснулся! Двоих с ног свалила...

Гордость за нее, дикая и неуместная, на секунду прогнала боль. Моя девочка. Моя воительница.

— Атаман... Степан... он ее хитростью скрутил... — Спиридон сглотнул слезы. — Сказал: «Ты мой клад теперь». И увез... Силой увез...

Старик замолчал, собираясь с духом, чтобы выговорить самое важное:

— Мне известно, где у них логово... в старых каменоломнях. За рекой Смородиной, в Чертовом овраге. День пути отсюда.

Я поднял голову. Глаза застилала кровавая пелена. Боль ушла. Ее место заняло нечто другое — холодная, абсолютная, безраздельная ярость.

— Чертов овраг, — повторил я голосом чужим и низким, полным обещания смерти. — Степан Кривой.

Мир вокруг снова обрел резкость, но краски исчезли. Всё стало черно-белым. Теперь моя цель — охота.

Старик пытался что-то сказать, объяснить, но я остановил его раскаяния:

— Вины твоей нет. Есть моя работа.

Я развернулся и пошел прочь от пепелища. Шел быстрым, неумолимым шагом хищника, взявшего след. Они думали, что украли женщину. Они ошибались. Они разбудили зверя. И теперь этому зверю предстояло навестить их логово, забрать свое. И я не был уверен, что остановлюсь на спасении. Запах крови в воздухе уже манил меня.

Я не бежал. Бег — для тех, кто спешит. Каждый шаг отдавался в висках ровным, мертвым стуком. Лес вокруг затих, почувал угрозу, мое звериное бешенство.

Дорога не нужна. Я шел на запах страха, боли и человеческого пота, который висел над тропой, уводящей от деревни. Он был густым, еще свежим. Они даже не пытались скрыть следы. Наглость. Глупость.

Я нашел первого из них еще до наступления утра. Отставший — мужик с перевязанной головой — сидел на пне и курил самокрутку. Услышал мой шаг, обернулся.

— Ты чей? — буркнул он, хватаясь за топор.

Я не ответил. Он замахнулся медленно, так медленно, что я успел бы пересчитать его гнилые зубы. Поймав его руку, сломал запястье. Хруст кости был сухим, как щелчок затвора. Прежде чем гнида успел вскрикнуть, я пригнул его к земле и, глядя в полные ужаса глаза, спросил тихо, почти ласково:

— Степан. Милана. Где?

Он что-то промычал, захлебываясь кровью. Бесплезно. Я принял. Его страх был смердящим, но под ним улавливался слабый, едва уловимый шлейф жасмина и... новая нота, чужая и бесконечно родная. Терпкая, нежная... Не аромат, а вибрация жизни, растущей в утробе Миланы. Наш ребенок.

Зверь внутри меня взвыл и стиснул челюсти.

— В каменоломнях? — уточнил я.

Он судорожно кивнул. Информация получена. Он стал не нужен. Его череп хрустнул в моей ладони вторым щелчком.

Теперь я знал направление. И знал ее состояние. Жива, напугана, но с ней всё в порядке. Пока в порядке.

Не рассветло, но это не имело значения. Лес для меня всегда прозрачен. Я вышел к реке. Темная, холодная вода. На другом берегу — отвесная скала, испещренная черными дырами пещер. Логово.

Оттуда доносились звуки. Хриплый смех, пьяные возгласы. И сквозь этот шум мое ухо выхватило самое важное — ее сердцебиение. Учащенное, но ровное, сильное.

Они сидели у костра у входа в главную пещеру. Двадцать человек. Я видел грубые, довольные лица в отблесках пламени. И тогда я перестал сдерживаться — вышел из кустов к свету огня. На секунду воцарилась тишина.

— Я пришел за женой, — мой голос не был человеческим. Это был рык, идущий из самой глотки.

Первый, кто бросился на меня с ножом, даже не успел понять, что произошло. Я не уворачивался. Поймал его руку, выкрутил и воткнул нож в горло. Теплая кровь брызнула мне в лицо. Это только начало.

Поднялась суматоха. Крики. Звон стали. Костер опрокинулся и осветил землю тлеющими углями.

Они были обычными людьми — медленными, хрупкими. Я ломал их кости, рвал плоть, и с каждым падающим телом вспыхивала мысль: еще на один шаг ближе к ней.

Я не чувствовал ударов. Не чувствовал ничего, кроме главной потребности — добраться до пещеры.

Последним на пути оказался огромный детина с секирой. Он замахнулся, и в этот момент из глубины пещеры донесся ее крик:

— Марк!

Это всё, что мне было нужно. Я рванул вперед, схватил руку с оружием и сломал ее, как ветку багульника. Вопль бандита слился с хрустом кости — третий щелчок. Отшвырнув гиганта в сторону, я шагнул в темноту.

— Милана! — в голосе снова появилась человеческая нота отчаяния.

Из темноты послышалось сдавленное:

— Не подходи!

Я ринулся на звук, отшвырнул в сторону тяжелую кожаную завесу и увидел ее — в балахоне, с растрепанными волосами. Отважная и собранная, моя любимая. Она сжимала в руке заостренный обломок кости, направленный в грудь долговязому уроду. Вероятно, это и был Степан. Он стоял лицом к Милане, ладони подняты в умиротворяющем жесте.

Услышав звук шагов, главарь шайки медленно обернулся.

— Кто... — начал он.

Я не дал ему договорить. Всего один шаг — и мои пальцы сомкнулись у него на горле. Я поднял Кривого и прижал к скале. Ноги атамана беспомощно забились в воздухе.

— Ты, — прошипел я, глядя в его посиневшее лицо. — Ты посмел прикоснуться к той, которая принадлежит мне.

Из груди Степана вырвался хрип.

— Она... не твоя... Она... не для смертных...

Я сжал пальцы. Хрящ хрустнул, тело обмякло, я бросил его на пол.

И только тогда обернулся к ней. Любимая опустила свое импровизированное оружие и посмотрела на меня — жалобно и благодарно.

— Марк, — всхлипнула она.

Я подбежал, и дрожь, которую сдерживал всё это время, наконец прорвалась наружу.

Упал перед ней на колени, прижался к животу. Мое сердце. Мой мир. Проклятье и спасение.

Она уронила обломок кости и запустила пальцы в мои волосы.

— Ты пришел... я знала... я так испугалась... — с дрожью в голосе всхлипнула она.

Я поднял на нее глаза.

— Родная, я всегда приду. Всегда.

— Марк? — жалобно протянула Милана и поцеловала мою макушку.

— Да, родная...

— Я хочу селедку с копчеными огурцами... или квашеную капусту.

Глава 11

Я гладила голову Марка, дрожа от выброса адреналина. Запах крови и дыма, страх смерти и спасение... Горло сжал внезапный спазм. Воздух сгустился, отчего в животе заурчало. Я сглотнула, пытаясь подавить тошноту, но это лишь усилило противный медный привкус.

— Я хочу селедку с копчеными огурцами... или квашеную капусту.

Мой желудок, словно отдельное капризное существо, потребовал чего-то кислого и соленого, немислимого.

Марк замер. Его плечи перестали вздрагивать. Он поднял голову, и я увидела в глазах полную растерянность. Велозаров готов был сокрушить любое оружие, разорвать всякого врага, но эта просьба, казалось, поставила его в тупик.

— Ч-чего? — хрипло выдохнул он.

— Не знаю, — честно сказала я, чувствуя, как по щекам покатались слезы — то ли ужаса, то ли гормонального всплеска. — Просто... очень хочу квашеную капусту.

Марк смотрел на меня так, будто сканировал на предмет ранений или помешательства. Видимо, проверял, не в бреду ли, не сошла ли с ума от пережитого. Затем медленно, очень медленно поднялся с колен, не забывая ощупывать мою кожу. Его липкая от крови ладонь осторожно коснулась щеки.

— Капусту, — повторил он, как заклинание. — Хорошо. Сейчас... поищу.

Он огляделся, словно в пещере разбойников мог стоять бочонок с соленьями. Это было так нелепо и трогательно, что ком в горле рассосался, уступая место смеху. Или рыданиям? Я уже и сама не понимала.

— Не сейчас, глупый, — всхлипнула я, обнимая его. — Позже. Просто запомни.

Он снова кивнул, всё еще ошарашенный, подхватил меня на руки и крепко прижал к себе. Выходя из пещеры, поднял кожаный мешочек с монетами и сунул его в брюки.

Картина, открывшаяся снаружи, заставила вздрогнуть. В свете яркого солнца глаза сощурились, а когда привыкли... Повсюду валялись изувеченные тела. Марк осторожно перешагивал их, стараясь прятать от меня следы побоища.

— Любимая, закрой глаза, — попросил он. — Боюсь, тебе не понравится это искусство.

Марк нес меня несколько часов. Каждый шорох заставлял его вздрагивать, взгляд метался, выискивая угрозу. Это напряжение передавалось и мне, сжимало виски тугим обручем. Он не желал обращаться в волка, сказал, что хочет чувствовать меня возле груди.

Я в подробностях поведала историю похищения, а когда узнала, что дом Спиридона уцелел, как и другие избы, и все люди выжили, чуть не расплакалась от облегчения. Надо же! Мне показалось, что шайка Кривого и живого места не оставит от деревни, а они выжили... Или нет? Уж слишком поспешно Велозаров говорил об этом. Он лгал. Я поняла по напряжению в его пальцах, сжимавших мое тело. Не хотел расстраивать, когда мы и так на пределе. Сердце съежилось, но я сделала вид, что верю ему.

Солнце мелькало среди крон деревьев, когда я заметила крошечную избушку, притулившуюся под сенью огромного дуба. Дымок из трубы говорил о жизни в этом глухом месте.

— Смотри, — прошептала я.

— Вижу, — сканируя избушку и чащобу, ответил Марк. — Рискованно. Мы не знаем, кто там.

— Давай пойдем? Я так устала...

Вдруг вдали показалась тень Азалии. Кожаный плащ и черные волосы контрастом выделили ее на фоне известняковой скалы. Волчица слегка махнула нам рукой и тут же исчезла.

— Это Азалия? — переполошилась я.

— Морок, — прошептал Велозаров себе под нос, но так, чтобы я услышала. — Настоящая тварь не стала бы манить. Она бы напала.

Я почувствовала, как по телу любимого пробежала судорога — тот самый рефлекс, предшествующий ярости и превращению в волка. Низкий рык закипел у него в груди. Марк сделал порывистое движение вперед, чтобы броситься за ней, но взгляд тут же метнулся к моему животу. Это длилось мгновение, но я увидела, как сомнения овладели им.

— Не сейчас, — хрипло выдохнул Марк и поставил меня на землю. — Потом разберусь, сначала твоя безопасность.

Он резко развернул меня спиной к призрачному видению, взял за руку и повел к избушке. Ударил кулаком в грубую древесину двери, и звук прокатился по лесу пушечным выстрелом.

Дверь открылась не сразу: сначала в щели мелькнул темный, изучающий нас глаз, потом на пороге возник мужчина. Невысокий, коренастый, в вытертой малице[1]. Лицо нестарое, но испещренное морщинами. Узкие глаза медленно обвели нас и на мгновение задержались на моей шее.

— Входите, — прохрипел голос. — В такое время в лесу шляются только духи да лихие люди. Девчонка на них не похожа, — мужчина посмотрел за наши спины, где недавно мелькнула фигура Азалии. — Тень манит. Не ходите на зов. Это всего лишь тень.

Мы вошли внутрь. Всего одна комната. В углу — деревянная кровать, застеленная звериными шкурами. На полках — связки трав, от которых пахло мятой. В центре красуется массивная печь-каменка. От нее веяло таким благодатным теплом, что я почувствовала, как дрожь в коленях начинает понемногу отступать.

Марк не расслаблялся. Он посадил меня на лавку у печи, а сам встал между мной и дверью, скрестив руки на груди. Его взгляд был прикован к незнакомцу.

— Я Марк. Это моя Милана.

Мужчина кивнул, подошел к столу и налил из глиняного кувшина в три деревянные чашки что-то мутное.

— Еремей, — откликнулся он. — А ты непростой... Волк. По глазам видно. И по тому, как в дверь ломишься.

— Нас преследуют, — коротко бросил Марк, не отказываясь от чашки, но и не прикасаясь к ней.

— Преследуют не люди, — Еремей подул на жидкость и сделал глоток. — За вами тянется шлейф — холодный, чуждый. Тень с Севера.

— Ты знаешь о них? — в голосе Марка мелькнула надежда, которую он тут же попытался скрыть за суровостью.

— Слышал. Духи, что приходят с ветром. Охотятся за силой, — взгляд Еремея снова скользнул по мне, — за новой силой.

— Откуда вы это знаете? — недоуменно протянула я.

Он поставил чашку. Пронизывающий, глубокий взгляд медленно перешел с меня на Марка.

— Лес — не только деревья да животные, — начал он, — лес помнит. Камень помнит. Вода шепчет тем, кто ухо приложит. Я в этих чащобах... засиделся. Видел, как тени с Севера ходят. Не впервой. Охотятся они на силу волчью, на жизнь новую — что в утробе пускает корни. Ваш след пахнет страхом, а это для них — как дым костра для голодного зверя.

Марк насторожился, его поза стала еще жестче.

— Кто ты такой? Отшельник? Охотник?

Еремей усмехнулся, морщинки в уголках глаз углубились.

— Когда-то и тем и другим был. А ныне... сторож. Сторож троп и переправ. Знания коплю из тишины, из ветра, из снов, что лес шлет. Потому и ведаю.

Я устало опустила голову и уткнулась лбом в спину Марка. Он непроизвольно вздрогнул от прикосновения и тут же повернулся, чтобы обнять меня.

— У тебя капуста есть? — спросил Велозаров. Он взял меня на руки и, аккуратно уложив на кровать, сел рядом.

Еремей не ответил. Убрал со стола чашки и начал раскладывать травы.

— Как себя чувствуешь? — любимый прикоснулся губами к моему лбу и внимательно посмотрел в глаза.

Мне не хотелось расстраивать Марка — ему и так досталось, поэтому я улыбнулась.

— Хорошо, только волнуюсь за ребенка... Вдруг с ним что-нибудь случилось?

— Ну что ты, солнышко? Уверен, с ним полный порядок. — Марк убрал спутанные волосы с моего лица и просиял лучезарной улыбкой. — Постарайся поспать хоть пару часиков.

— А Азалия?

— Наваждение, морок. Настоящая давно мертва. Не думай о ней. Тебе нельзя волноваться.

Марк начал шептать что-то успокаивающее, но я почти не слышала его. Завороженно уставилась на огонь в печи. Пламя лизало почерневшие поленья, и вдруг мой взгляд зацепился за небольшой комок серо-зеленого мха, торчащий из щели между кирпичами. Почему-то я не могла отвести от него глаз. Сначала это было просто любопытство, но с каждой секундой оно нарастало, превращаясь в навязчивую идею. В горле пересохло, а в животе зародилось странное, сосущее чувство. Желание — иррациональное, но всепоглощающее.

«Мне нужно его съесть — прямо сейчас. Иначе случится что-то ужасное». Мысль прозвучала в голове так же ясно, как если бы ее кто-то произнес вслух. Я безумно захотела этот мох. Его терпкий, землистый вкус стоял у меня во рту, хотя раньше я ничего подобного не пробовала.

Я посмотрела на Марка и перевела взгляд на Еремея.

— Я хочу тот мох, из печки.

Велозаров резко обернулся, его брови поползли вверх. На лице застыла смесь недоумения и тревоги. Он снова начал сканировать меня в поисках признаков болезни или раны.

— Родная? Ты в порядке?

Еремей же не удивился. Узкие глаза сверкнули странным блеском.

— «Малое солнце» требует красок, — произнес он. — Ему нужна сила земли, чтобы расти. Не мешай.

Отшельник достал из печи комок мха и бросил его в жестяную кружку. Потом налил воды из котла и протянул мне.

— Пей. Успокоит бурю внутри.

Я с жадностью прильнула к кружке. Настой был горьким, но с каждым глотком навязчивая идея стала отступать, сменяясь теплым спокойствием. Дрожь в руках утихла.

Марк наблюдал за мной, и я увидела, как его собственное напряжение начало спадать. Он снова поцеловал мой лоб и улыбнулся.

Еремей следил за нами, а потом перевел взгляд на торчащий из кармана брюк Марка уголок карты.

— Дальше идти хотите с этой картой? — спросил он.

— Ты знаешь, что на ней? — встрепенулся Марк и развернул свиток.

— Знаю, — коротко бросил Еремей. — Спящего быка знают все, кто с Севера. Но дорогу к нему помню только я.

— Тогда отведи нас. Мы хорошо заплатим.

Еремей долго молчал, будто взвешивал решение.

— Дорога туда не для слабых. Духи начнут противиться. Тень будет преследовать.

— Все равно пойдем. — решительно сказал Марк.

— Не торопись, волк. В дороге каждый шаг имеет цену. Долги — они как шрамы — остаются навсегда. Я помогу, но ты будешь мне должен.

— Э, нет, — засомневался Марк, — давай договоримся на берегу: жену с ребенком не проси, а остальное можешь забирать.

Мужчина смотрел на нас без злобы, без алчности. Он что-то прикидывал в уме, будто взвешивал на невидимых весах свой выбор.

Марк тоже думал, стиснув челюсти. Отдавать долги незнакомым, странным людям — игра в русскую рулетку. Но карта бесполезна без проводника. Альтернативы не было. Ненависть к вынужденному договору злила его. Я почувствовала, как скрежешут его зубы.

— Твою семью не попрошу, — успокоил отшельник, — лишь... право взглянуть на всходы, когда они окрепнут. Тропа дальняя, силы беречь надо. Завтра капканы проверю, запасы соберу. А вы отдохните. Через два дня с рассветом двинем.

— Договорились, — выдавил Марк. — Но есть условие: отдам долг только после того, как Милана с ребенком вернется домой.

[1] Одежда из оленьих шкур.

Глава 12

Этой ночью я превратилась в бездну. Могла стать хаосом, бурей, черной дырой... Я выбрала Ад.

Сбросив человеческую форму, я обнажаюсь до первозданности. Пусть миры трепещут, законы мироздания рвутся — мне не страшно. Моя суть черна. В моих мыслях рождаются кошмары. Я дышу медленно, глубоко, и с каждым выдохом из груди вырываются вихри чужого отчаяния, немое безумие. С каждым вдохом вбираю в себя страх пока еще живых существ, боль времен, ярость павших богов.

В моем искаженном пространстве сгорают тени архангелов. Их хрипы, проклятия тонут в оглушительном гуле ненасытного голода. Сквозь меня проплывают обломки ничтожных, хрупких цивилизаций. Они замедляют падение, цепляются за призрачные выступы и, рассыпаясь, отдают честь моей силе.

В разломах у моего подножия поклоняются лики Зла. Жестокость и Насилие бьют в барабаны из человеческой кожи. Страх поет гимны. Их древние голоса сливаются в хор:

— Источник... Первопричина... Дитя Хаоса...

Моя мощь бесконечна, ненасытна. Восторг разрушения, что бурлит в моих недрах, может излиться от одной моей прихоти, стирая миры и переписывая время.

И я стою. Не царствую — играю. Я всесильное дитя с атомной бомбой в руках. Мне смешно. Любопытно. Что будет, если дыхнуть посильнее? Если потянуть за эту ниточку бытия? Перед моей инфантильной волей преклоняется Тьма. Моя улыбка — страшнее ярости. Смех — тише шепота...

Я — Ад. Дитя. И этот хрупкий мирок — моя песочница.

...Я проснулась от собственного тихого стога, раздавшегося будто из глубины той самой бездны. Взгляд устремился в потолок низкой бревенчатой избы. Ноздри впитали аромат мяты и смолы. На секунду в переплетении потолочных балок проступило лицо из сна — искаженное и страшное. Сердце заколотилось, заставив одну ладонь прижаться к груди. Другая рука инстинктивно легла на живот.

«Еремей. Мы у проводника. Лето», — проговорила я про себя, заставляя сознание зацепиться за простые, но твердые факты. Сон отступал медленно. Справа послышался скрип половицы и мягкий шаг. Марк. Он рядом, мы живы, скоро вернемся домой, это был сон...

Велозаров что-то тихо напевал и возился с посудой. Утренняя жизнь будто шла в обычном ритме. Через несколько минут я смогла сделать глубокий, ровный вдох. Отпустило.

«Всё в порядке, — выдохнула я, — просто... очередной страшный сон».

Я еще раз провела ладонью по животу, убедилась, что с ним ничего не случилось, и окончательно открыла глаза.

— А, соня, проснулась? — Заметив мое движение, Марк достал из печи котел и поставил на стол. — Кушать подано, садитесь есть! — засмеялся он.

Я уловила запах вареной картошки, сбросила тяжелое одеяло. Летний лесной воздух окончательно развеял последние ключья кошмара. Босые ступни коснулись прохладных, стесанных топором досок. Реальность. Твердая и настоящая. Укутавшись в простыню, я села за стол и посмотрела на Марка. На нем красовалась удлиненная русская рубаха, отороченная тесьмой по краям, и смешная соломенная шляпка в виде грибочка.

— Нас пригласили на бал? Откуда такой костюмчик? — попыталась пошутить я.

— У Еремея взял, а вместо бала у нас рыбалка, — залился он почти детским хохотом. — Рядом ручей, должна быть рыба. Посмотрим, что здесь водится, вдруг золотую поймем? К тому же тебе нужен белок...

— Чудесно! — перебила я. — Очень хочется на улицу.

Лес слабо шумел песнями стрекоз. Пахло цветами. Мы расположились возле широкого ручья, в котором ярко отражались солнечные искры. Марк, с непривычки бодрый, раздобыл у Еремея острогу. Я сидела на берегу и наблюдала, как он стоит по колено в воде, а потом точным движением вскидывает шест — и на берег летит серебристая рыбина. Велозаров был удивительно ловок, грациозен. Я залюбовалась им, глядя, как он, довольный, ловит третьего караса подряд. Солнце, ручей, смешная шляпка и умопомрачительный мужчина! Что может быть чудесней?

Ему так идет улыбка, а из-за меня у него вечные неприятности. Он так красив и свободен в движении... а я сижу тут, как мешок. Сколько еще Марк сможет терпеть такое? Для чего я нужна? Это раньше была ему под стать, а сейчас — обуза, причем беременная, требующая еды, ухода и внимания. Без сверхспособностей, образования, глупая и какая-то совершенно некрасивая. Он даже смотрит на меня по-другому, будто на калеку, от которой нельзя отделаться. Так и есть — никчемная обуза с коробом проблем. Какая от меня польза?!

Думая об этом, я не заметила, как из глаз побежали слезы — горячие и горькие, которые быстро перешли в рыдания.

Марк мгновенно оказался рядом, его лицо вытянулось от испуга.

— Милана? Солнышко, что случилось? — он осторожно коснулся моей щеки.

— Мне страшно, — выдохнула я, всхлипывая, как ребенок.

— Я с тобой, — Велозаров привлек меня к себе, и его влажная рубашка охладила мою кожу. — Мы обязательно вернемся домой. Я всё улажу.

Это «всё улажу» стало последней каплей. Я вырвалась из объятий и оттолкнула его.

— Вот! Опять! «Я всё улажу»! Ты вообще меня слышишь? Почему всегда сам всё решаешь? Ты не спишь, не ешь, ты на взводе — ты же «всё улаживаешь»! А я что? Кто я? Простой, безвольный инкубатор? Я даже выйти никуда не могу! — крикнула я и, вспоминая его наставления в деревне, карикатурно изменила голос: — «К реке не ходи, упаси бог пойти в лес, сиди и любуйся облаками»! Видите ли, он за меня боится!

Марк смотрел ошарашенно. Густые брови подскочили, на лбу появились морщины удивления.

— Ну да, я боюсь... — впервые за долгое время в его голосе проскользнуло что-то серьезное, а не сюсюкательное в мой адрес. — Ежесекундно. За каждый твой вздох, шаг. Я боюсь, что не смогу защитить. Что потеряю вас!

— Ты боишься? — мой голос сорвался на визг. Истерика, накопившаяся за эти дни, вылилась наружу, и я вскочила на ноги. — Это я боюсь! Я не знаю, кто у меня внутри: оборотень, человек или какой-то монстр? Что он там чувствует? А сколько это будет длиться: месяц, год, сто лет? Я никогда не видела беременных от оборотней! У меня нет инструкции! Мне не с кем поговорить — ни Кати, ни Васьки, ни Марии! Никого! Это нормально — хотеть жевать мох?! И что вообще должно происходить в начале беременности? Я не знаю! И я боюсь не абасов или каких-то разбойников, я тебя, себя боюсь! Своего тела! Потому что не понимаю, что со мной происходит!

Его лицо побелело, но меня уже несло, как колесо с горы, пока самое страшное не вырвалось наружу:

— Ты зверь, оборотень! А я? Кто я теперь? Я стала слабой, человеком! Оборотень и человек — сладкая парочка. Лучше бы осталась Хранителем! Тогда бы ни тебя, ни этой слабости, ни этого страха, ни этих кошмаров не было! И зачем только тебя повстречала?! Ты моя самая... самая ужасная ошибка!

Последнее слово повисло в воздухе, как звон от пощечины — тяжелой и сильной. Марк отшатнулся, будто его оглушили. Глаза потемнели. Он резко встал, отвернулся и, не сказав ни слова, зашагал прочь.

Стыд, досада и одиночество накрыли резко и безжалостно.

«Вот и всё, — подумала я с горьким удовлетворением. — Разрушила, что имела. Он никогда не простит... И правильно сделает. Так мне и надо».

Я хотела убежать в другую сторону, запрыгнуть на дерево и — как когда-то в тайге — раствориться в лесной чаще. Исчезнуть от всех, потеряться, чтобы никто не нашел мою глупую истеричную сущность. Хотела... но обессиленно села, обхватила колени и снова заплакала.

Не прошло и пяти минут, как послышались шаги. Велозаров стоял передо мной, уверенный и серьезный. В его руках был небрежный, но яркий букет — несколько ромашек, колокольчики и ветка таволги. Марк протянул его мне.

— Прости, — хрипло сказал он. — Я... не думал об этом...

Букет оказался на моих коленях и окутал свежим, чуть горьким ароматом.

— Ты не слабая, — тихо, но очень четко проговорил он, опускаясь рядом. — Просто тебе намного тяжелее, чем мне, ведь ты растишь в себе целый мир. Новую силу. Мою... нет, нашу силу. И я... тоже не знаю, как это бывает.

Марк осторожно обнял меня и положил ладонь на живот, отчего стало тепло-тепло. Не только физически, но даже в подсознании.

— Ребенок точно не монстр. Он наше продолжение. Каким бы он ни был. И я боюсь за тебя не потому, что ты носишь моего ребенка, а потому, что люблю лучшую девушку на свете — красивую и умную. Святую. А насчет мха... — Марк чуть усмехнулся. — Еремей говорит, его покойная жена на раннем сроке глину из речки ела. Уверяла, что ей сладко. А я в детстве корни от кедра грыз. Так что мох — это еще цветочки.

Я всхлипнула и снова посмотрела на Марка зареванными глазами:

— Правда?

— Правда. — Он крепче прижал меня к себе. — Давай бояться вместе одного и того же, а не друг друга, хорошо? Я очень хочу поскорее доставить тебя домой и не беспокоиться о твоём здоровье. Поверь, всё для этого делаю. И знаешь, что еще?

— Что?

— Рассказывай обо всем, что с тобой происходит и что волнует. Можешь обзывать, треснуть меня чем-нибудь, послать подальше, только никогда не говори, что наша встреча — ошибка. Я очень люблю тебя.

Пока он объяснял, мои слезы высохли, душа успокоилась и сердце забилося в новом ритме — том самом, который знал только он.

— Марк, и я тебя, очень-очень! Прости, пожалуйста...

— Иди ко мне...

Он медленно опустился на землю, на мягкий ковер из трав, увлекая меня за собой. Оказавшись в объятиях его рук, я облегченно выдохнула. Широкая ладонь скользнула по моей щеке, пальцы вплелись в пряди волос.

— А я говорил, — прошептал Марк, касаясь губами уголка рта, затем века, — что ты самая красивая?

Мурашки пробежали по коже. Я прикрыла глаза.

— Нет, — солгала я шепотом и улыбнулась. — Не говорил. Ни разу.

— Не может быть... — Он провел кончиком носа по виску, и я рассмеялась. — Но всё равно повторю. Ты невероятно красивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.